

Елена
МИХАЙЛОВА
Настоящий
Детектив

Иллюзия игры

Елена Ивановна Михалкова

Иллюзия игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608995

*Иллюзия игры: роман / Елена Михалкова: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-080673-7*

Аннотация

Старый мошенник, удалившийся от дел, неожиданно получает в свое распоряжение талантливую ученицу. Ее способности, помноженные на его опыт, приводят к непредсказуемым последствиям.

В банде шулеров, которой управляет умный и жестокий Марк Паулс, появляется новичок. Идеи Андрея изобретательны и необычны. Но его последняя афера должна превзойти их все, ведь ее цель – крупнейшее московское казино. Если у шулеров все получится, они сорвут свой самый большой куш.

Все участники нового романа Елены Михалковой вступают в игру, каждый в свою, и все уверены в победе. Но что ждет победителя, не знает ни один из них. Чем закончится эта Игра?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Михалкова

Иллюзия игры

Глава 1

Деньги пахнут.

Маленькие – потом.

А большие – кровью.

Неизвестный автор

Лифт застрял между этажами, стоило мужчине достать ключи из портфеля. Кабина дернулась и замерла, ключи жалобно звякнули в его руке. Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, поворочал головой на толстой шее и негромко выругался. Затем нажал на кнопку вызова лифтера. – Послушайте! – негодуяше сказал он, плотно прижимая губы к динамику. – Что за безобразие?! Я застрял! – Ждите, техник скоро будет, – равнодушно ответил женский голос, и в динамике стало очень тихо. – Знаю я ваше «скоро»! До вечера здесь сидеть! Мужчина убрал ключи, огляделся, словно ожидая увидеть в кабине что-то новое, и, не увидев, бессмысленно выругался себе под нос. Сверху послышались громкие скрежещущие звуки, и внутрь упал свет. Задрав голову, мужчина увидел, что двери шахты немного разошлись. С платформы вниз на него смотрел парень лет восемнадцати в рабочей спецовке и низко нахлобученной красной кепке.

– Сейчас вас поднимем, не волнуйтесь! – бодро пообещал парень. – Айн момент!

– Да, вы уж постарайтесь! – потребовал узник, в глубине души приятно удивленный таким быстрым появлением лифтера.

Тот раскрыл чемоданчик и принялся возиться с дверьми, чем-то стуча и щелкая. Прошло пять минут. Человек, сидевший в лифте, закипал все сильнее. Ему ведь пообещали поднять его сейчас же! Черт знает что!

– Так-так-так... – озабоченно сказали наверху, перестав стучать и щелкать.

– Что такое?

– Вы понимаете, какое дело... – Лифтер снова наклонился, вытер лоб, немного приподняв свою кепку. – Все немножко серьезнее, чем мне сначала показалось.

– Да куда серьезнее – я уже почти сорок минут здесь торчу! – вознегодовал мужчина, вошедший в лифт меньше четверти часа назад. – Почему до сих пор не починили?!

– Коленчатая шестеренка сломалась, нужно ее заменить. Запасная – на другом объекте. А я, как назло, телефон забыл. Так что придется мне туда сходить, взять ее, принести сюда и поставить. Тогда сможем вас поднять.

– А нельзя попросить кого-нибудь, чтобы принесли эту вашу шестеренку?

– Можно, конечно. Вот только говорю же – телефон забыл! Номер напарника помню, а позвонить ему не могу.

– Господи, ну так возьмите мой телефон! – воскликнул мужчина. – Неужели так сложно догадаться?!

– В самом деле... – Парень смущенно улыбнулся. – Не додумался, извините.

Поднявшись на цыпочки, мужчина протянул вверх серебристый айфон.

– Осторожнее, не уроните, – брюзгливо попросил он.

– Ни в коем разе! – весело пообещали ему.

Чемоданчик исчез, двери шахты закрылись, и наступила тишина.

Когда прошло некоторое время, мужчина в лифте громко выразил свое недовольство. Выражал он его еще минут десять – до тех пор, пока лифт неожиданно не тронулся и не открыл двери на следующем этаже.

– Здравствуйте, – с ленивой усмешкой сказал ожидающий на площадке мужик с перепачканными в чем-то черном ладонями. – Извиняюсь, что долго: вызовов много.

– Вы кто? – настороженно поинтересовался мужчина, отчего-то не торопясь выходить из лифта.

– Лифтер. А вы кого ждали? Санта-Клауса?

Участковый подошел к трем милиционерам возле подъезда. Один из них что-то писал, сидя на корточках, подложив под лист папку. Другой диктовал, то и дело отвлекаясь на проходящих мимо девчонок в коротких юбках. Третий скучал.

– Восемь домов успел обойти, красавец! – поведаль участковому. – Везде одна схема: отключал лифт, затем выманивал телефон – и был таков. И не домохозяек ведь дожидался, а солидных людей.

– Солидные люди... – проворчал пишущий. – Все как один телефончики-то отдали. Домохозяйка, может, и не согласилась бы.

– Описание хоть есть? – спросил участковый.

– Да какое описание! Парень по возрасту студент. Ни примет, ничего... Кепка только красная.

– А чем мотивировал, что ему нужен телефон?

– Говорил, в лифте не хватает важной детали и нужно позвонить, чтобы ее привезли.

– В лифте? – переспросил участковый. – Детали? Какой еще детали? Дверей, что ли? Милиционеры переглянулись. По лицу первого расплзлась ухмылка, а второй хохотнул.

– Шестеренки, Коля! – объяснил третий, сдерживая смех. – Коленчатой!

В это время парень в спецовке вошел в квартиру на другом конце Москвы. На жердочке возле зеркала неподвижно сидел огромный красногрудый попугай, и невозможно было понять, чучело это или живая птица.

Парень поставил на пол чемоданчик с инструментами, снял яркую кепку. Выплюнул из-за щек ватные шарики, потер перед зеркалом брови и носогубные складки, счищая грим. Сдернул с головы тонкую, почти незаметную сеточку. И превратился в девчонку лет шестнадцати с гривкой темно-русых волос.

– Ну что, Прохор, – сказала девчонка, подмигнув попугаю. – По-моему, я только что сдала первый экзамен.

За восемь месяцев до описываемых событий

Когда хлопнула входная дверь, Ирка вертелась на кухне, сооружая себе немудреный салат из капусты. Во дворе соседка громко и назойливо звала кота, и за ее однообразным «Тии-и-иша! Тии-и-иша! Ти-и-и-иша!» она не услышала щелчка проворачиваемого ключа. Утратила бдительность, как сказала Лелька Гаврилова, когда физик на экзамене застиг ее с задранной юбкой, под которой к розовой Лелькиной ляжке была приклеена «шпора».

Дверь, служившая Ирке союзницей, хлопнула громко, предостерегающе, даже и не хлопнула, а хлобыстнула, и по этому предупреждению Ирка тут же все поняла. Бесшумно опустив нож на скатерть, она прокралась из кухни в коридор, быстро скользнула в свою комнату и набросила хлипкий крючок. Приколоченный еще два месяца назад, сейчас он показался ей совсем ненадежным, и она пожалела, что не поставила засов.

– Иришка, ты дома? – вкрадчиво позвал хрипловатый мужской голос.

Ей даже не нужно было прислушиваться – все, что сейчас делает вошедший, Ирка отлично представляла. Вот проходит в грязных ботинках в кухню, видит на столе второпях брошенную посуду, и по лицу его расплывается гадкая ухмылка... Вот приближается к ее комнате, оставляя за собой следы на полу. Одной рукой обязательно ведет по стене, подцепляя нечистыми пальцами отошедшие края обоев.

– Ири-и-шка! – еще ласковее окликнули ее. – Ты здесь, я знаю! И капустки порезала, умничка... Ну, выходи, поздоровайся с папой!

Лицо девочки исказила гримаса отвращения.

– «Здрасьте» будешь говорить или нет? – рявкнули совсем рядом, за дверью, и она отшатнулась, кусая губы. Отвечать было опасно, но молчать – еще опаснее.

– Здравствуйтесь, дядя Вова! – крикнула девочка, отступая к столу. – Я уроки делаю, дядя Вова.

Снаружи раздалось пыхтение. Ирка будто через стену видела отчима – как он стоит, покачиваясь, оттопырив нижнюю губу и наморщив лоб. Узел галстука сбился на сторону, по рубашке расплываются темные пятна. «Уходи! Уходи! – про себя яростно крикнула она. – Оставь меня в покое!»

– А что же ты не выйдешь? – укорили ее. – Некрасиво себя ведешь, Иришка. Не-вежли-во.

И в дверь деликатно постучали три раза, словно для того, чтобы преподать ей урок вежливости.

Она молчала, и стукнули сильнее. Еще раз, и еще... Это было что-то новое – прежде, если она запиралась, отчим с бранью уходил, а один раз уснул на коврик у ее комнаты. «Наверно, совсем пьяный, – успокаивающе сказала себе Ирка. – Сейчас опять уснет, как тогда».

Но третий удар заставил ее вздрогнуть.

– Открывай! – потребовал отчим, сбросив притворную ласковость. – Открой, дрянь! Я тя вежливости учить буду, пняла? Этикет, типа, пняла? Чего молчишь?

– Я занимаюсь, – громко ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Вот со мной и позанимаешься!

Он добавил что-то еще, и следом на дверь обрушился град пинков и ударов. Ирка с ужасом видела, как пляшет крючок, расшатываясь все сильнее. Наконец после очередного толчка он вылетел из петли, и в комнату ввалился дядя Вова.

Отчим выглядел в точности так, как Ирка и представляла: галстук сбит на сторону, рубашка взмокла, глаза налиты кровью. Он держался волосатыми лапами за дверной проем, покачиваясь вперед-назад.

– Ты что это, Ириша, себе позволяешь? – с тихой угрозой начал он. – А ну иди сюда!

– Дядя Вова, мне уроки надо делать, – с тоской проговорила девочка, отводя взгляд, чтобы не видеть его лица.

– А чего в глаза не смотришь?! На меня смотри, я сказал! А глазки-то бегают, бегают... Врешь, значит, – удовлетворенно заключил отчим. – Не уроки ты делаешь, Ирина, ой не уроки. Говори, чем занимаешься! – внезапно заорал он.

Ирка молчала. «Главное – не спорить, – твердила она себе. – Не спорить. Он сейчас проорется и уснет, как всегда».

– Пороть вас, гаденышей... – мечтательно протянул дядя Вова. – Волю дали, распустили... Совсем зарвалась, забыла, как отца с работы встречают.

– Какой ты мне отец?! – не выдержала Ирка.

– Такой! Какой есть! А если...

Неожиданно отчим осекся и уставился на нее, прищурившись. От его молчания девочке стало не по себе.

– А если не отец... – с другой интонацией проговорил дядя Вова, – так, значит... Он сделал шаг, другой, и Ирка попятилась назад, уперлась спиной в стол.

– Подойдешь – закричу! – предупредила она.

– А кричать-то зачем? Не, кричать не надо... Мы с тобой все и без криков уладим...

Его бормотание перешло в шепот, и, приблизившись вплотную, он облапил Ирку и прижал к себе, обдав ее перегаром и чем-то кислым, похожим на запах протухших щей.

– Отпусти!

Ирка отчаянно извивалась и брыкалась, но ее держали крепко.

– Ах ты сладкая моя девочка! – Он шептал ей в ухо. – Не хочешь, значит, в папочку поиграть? Давай другие игры придумаем.

Рука его скользнула ей под платье.

– А будешь кричать, я матери расскажу, что ты ко мне первая полезла. Ходишь, попой крутишь, заигрываешь. Слаб человек, поддался искушению... Мать-то пожалей, каково ей придется?

Ирка застыла, прекратив вырываться.

– Вот и умничка, вот и славно, – обрадованно забормотал отчим. – Сарафанчик-то снимии, лишний...

Он потянул вверх подол ее платья. В следующую секунду девчонка подалась назад, а затем резко ударила мужчину лбом в переносицу, подпрыгнув, как показывали мальчишки в школе, когда учили ее пасовать мяч. Раздался хруст, и отчим с ревом попятился, прижимая обе ладони к носу и зажмурив глаза. Из ноздрей у него хлестала кровь.

Ирка опрометью выскочила из комнаты и бросилась к наружной двери. Позади гремел уже не рев, а такая грязная брань, что она побоялась терять время и выскочила из квартиры в чем была – в стареньком платье и разношенных домашних сандалиях.

Девочка замедлила бег только тогда, когда стала спотыкаться от усталости. Тяжело дыша, она побрела по сонной разморенной улице, где навстречу ей попадались одни лишь бродячие кошки. Через час люди начнут возвращаться с работы, придет мать, и дядя Вова расскажет ей свою версию событий...

Она остановилась на перекрестке, растерянно огляделась вокруг, соображая, куда же ее занесло... Из подъезда напротив вышла седовласая женщина, окинула девочку строгим взглядом, и вдруг Ирка сообразила. «Это же Лелькин дом! Гавриловой!»

Спустя пару минут она уже стояла на третьем этаже и отчаянно давила на кнопку звонка.

Дверь открылась неожиданно, и заспанная Гаврилова недовольно уставилась на подругу:

– Лебеда! Ты чего трезвонишь? По телефону позвонить – не судьба, да?

– Нет у меня телефона, я его забыла, – сказала Ирка, облегченно улыбаясь оттого, что все закончилось. Гаврилова – друг, она выручит. – Лелька, слава богу, что ты дома!

– Ну, я тоже рада... Заходи. Чего случилось-то? Щас я кофе поставлю, и расскажешь.

Но дождаться кофе Ирка не стала, бухнула с порога:

– Лель, я из дома ушла. Можно мне пока у тебя пожить? Хотя бы неделю. Я к себе не могу вернуться, меня отчим... – В последний момент она передумала и сказала не то, что собиралась: – Избить хотел.

– Ой! Ирка, да ты что?!

– Честно. Снова пьяный вернулся, дверь вышиб. Я убежала, даже взять ничего не успела.

– Ир, так тебе не ко мне надо было идти, а в милицию! На твоего дядю Вову дело заведут!

– Какая милиция, Лель? Какое дело? – устало спросила Ирка и села прямо на пол. – Кто мне поверит? Мне даже мать слова не дает сказать, говорит, я лгунья, все выдумываю...

– Ну надо хотя бы попытаться! Вставай, Ир! Поднимайся, тебе говорят! Я с тобой пойду, подтверждаю все, что ты скажешь.

Энтузиазм в Лелькином голосе и ее готовность немедленно отравиться в отделение показали Ирке странными.

– Лель... – заподозрив истину, неуверенно спросила она. – Ты чего, не разрешишь мне у тебя остаться?

– Понимаешь, какое дело... – замялась Гаврилова. – Родители не разрешат. Ты ж у нас, типа, из неблагополучных, а маман моя от этого на дыбы становится.

Ира медленно поднялась, не сводя глаз с подруги.

– Лебеда, да ты наверняка приукрашиваешь! – преувеличенно бодро сказала Лелька. – Ну, выпил человек, с кем не бывает. Я ведь вижу, на тебе ни синяков, ни царапин. Если бы он тебя в самом деле избил, я бы тебя оставила, честное слово!

– Значит, с синяками и царапинами я могу к тебе прийти, правильно? – тихо, но жестко спросила Ирка, и по заматавшемуся взгляду Гавриловой поняла ответ. – Ясно. Ладно, пойду попрошу дядю Вову, чтобы он меня как следует избил. А потом сразу к тебе. Жди!

Выйдя из подъезда, она отряхнула испачканный подол, сделала несколько шагов в сторону дома, но бессильно опустилась на ступеньки. «Лучше здесь ночевать буду, только не туда». Она вспомнила, как потные руки шарили по ее телу, и ее передернуло.

Идти Ирке было некуда. Она мысленно перебрала одноклассников, но поняла, что везде ее ждет тот же прием, что и у Гавриловой. В лучшем случае чьи-нибудь сердобольные родители приютят ее на пару ночей. И все.

– И все, – вслух проговорила Ирка.

Получилось тоненько и жалко, как писк подзаборного котенка, и она рассердилась на себя: «Не смей ныть!» Но ныть хотелось, и хотелось забиться тем самым подзаборным котенком в подвал, выставить оттуда ободранную мордочку, пищать: «Возьмите... Пожалуйста...»

Улица заполнилась людьми. Ирка долго сидела на ступеньках перед Лелькиным подъездом в каком-то странном состоянии между сном и явью, не замечая удивленных взглядов, а когда пришла в себя, уже сгустились сумерки. Она встала, потопталась и побрела к единственному оставшемуся в районе телефону-автомату.

Карточки не было, но ее выручил какой-то прохожий. Ирка набрала домашний и с колотящимся сердцем выслушала долгие гудки в трубке. Наконец ответила мать – привычным для нее резким голосом:

– Алло!

– Мам, это я, Ира...

Наступила пауза, а затем мать разразилась руганью. Постояв с трубкой, изрыгающей поток диких, несусветных обвинений, девочка аккуратно положила ее на аппарат и пошла прочь.

Мысль о том, что ей все-таки есть к кому обратиться, пришла неожиданно: когда Ирка уже решила, что пойдет в милицию. И тут вспомнила про «дядю Мишу».

Мать упоминала о нем всего пару раз с тех пор, как они переехали и она вышла замуж. Никаким он был не дядей, а просто дальним родственником, уже пожилым. Ирка видела дядю Мишу один раз в жизни. Когда ей было лет десять, мать взяла ее с собой в гости. В квартире дальнего родственника оказалось интересно, но «гости» очень быстро закончились. Мать стала просить денег, упирая на то, что девочке не в чем ходить. В подтверждение она выпихивала Ирку вперед, перед очи «дяди», а Ирка, как неуступчивый осленок, упиралась и пятилась, и в итоге обе они свалились на пол, а родственник обидно хохотал и,

кажется, выставил их из квартиры. Ирка смутно помнила окончание визита, а подробностей не удалось выяснить и позже – мать отказывалась говорить об этом.

Но сейчас она с удивлением поняла, что память ее сохранила облик двора, в котором они с матерью побывали шесть лет назад, и даже название улицы всплыло: «Новопесчаная». Неподалеку, кажется, был парк, вспомнила Ирка. Она найдет, точно найдет!

Вскинув голову и вытерев слезы, девочка одернула платье и побежала в сторону остановки.

Старичок в кургузом пиджачке не шел, а ковылял, прихрамывая на левую ногу и словно вдавливая при каждом шаге свою палку в асфальт. Апрельский вечер был на удивление теплым, но парк быстро обезлюдел. Хромой неторопливо брел мимо пустых скамеечек, вокруг которых ветер носил бумажный мусор, и что-то по-стариковски ворчал себе под нос.

Подростки возникли из ниоткуда. Четверо, будто сделанные по одному лекалу: кривые, жилистые, с коротко обритыми бугристыми головами. Один отбивал об асфальт полуспущенный футбольный мяч.

– Дед, закурить не найдется? – бросил первый.

– Не курю я, мальчики, – вздохнул старик, продолжая идти.

Но подростки вынудили его остановиться, встав перед ним полукругом.

– Вот ты непонятливый, дедуля, – хохотнул второй. – Разве тебя кто спрашивает, куришь ты или нет?

– Димон, по ходу дела нас нехило оскорбили, – лениво протянул третий, сплевывая старику под ноги. – Мальчиками обозвали. Дед, ты совсем, что ли, нюх потерял, а?

Мяч с силой ударился о ноги старика и откатился в сторону.

Тот вздохнул, покачал головой:

– Ну простите, ребята, не знаю я, как к вам обращаться. Не хотел обидеть, честное слово.

Он заискивающе улыбнулся, но на его улыбку никто не ответил.

– «Ребята!» – передразнил последний, бросивший мяч. – Парни, он не сечет!

– Откупаться надо, дедуля!

– Денежку гони! Мани, лаве, ага?

Старик растерянно обвел взглядом компанию и по лицам понял, что взывать к милосердию бесполезно.

– Я сейчас, сейчас, – засуетился он и полез в нагрудный карман. – Разве ж я не понимаю? Дело такое, молодое... Погулять хочется, барышень в кафе пригласить. А если я обидел вас, ребятки, вы уж простите старого дурака...

Трясущейся рукой он вытащил кошелек и протянул ближайшему подростку.

– Так бы сразу, – снисходительно бросил тот в ответ, делая шаг навстречу и собираясь забрать у старика деньги.

Но ему помешали. Что-то маленькое, быстрое с криком пронеслось и ударило его в грудь, отчего парень отлетел назад и едва сохранил равновесие. Старик вскинул брови, продолжая держать руку с кошельком вытянутой перед собой. Вся группа на мгновение застыла, и тут над головами включился фонарь, словно для того, чтобы придать выразительности этой картине.

«Маленькое и быстрое» оказалось девчонкой лет пятнадцати, невысокой, худой, похожей на голенастого воробья. Она встала в боевую стойку между стариком и подростками, выставив сжатые кулаки.

– Дядя Миша, – бросила девочка, не оборачиваясь, – идите, я с ними поговорю.

– Э-э-э... Кхм! Ира?! – Старик обрел дар речи и удивленно взглядывался в неожиданную заступницу.

– Идите, вам сказали! Да быстрее же!

– А он быстрее не может! – Тот, кого она толкнула, пришел в себя и уже скалил зубы – нагло, вызывающе, поняв, что противник не представляет опасности. – Еле ноги переставляет, того гляди, дуба даст прямо на ходу.

– Ты шас сам дуба дашь! – прошипела разъяренная Ирка. – Гады, четверо на одного! Но ее шипение никого не испугало.

– Че, пацаны, повеселимся? – подмигнул старший, рывком преодолел расстояние между собой и девочкой и почти небрежно, на ходу, ударил ее под дых.

Ирка согнулась пополам, хватая воздух ртом. Вокруг заржали. Про старика забыли – новое развлечение привлекло к себе всеобщее внимание.

– Грин, на мою долю оставь! – попросил кто-то, смеясь.

– Да пожалуйста!

– Эй, девка!

От второго удара она увернулась, попыталась отскочить в сторону, но сзади ее толкнули в круг. Толкнули лениво, вполсилы, но Ирка знала, что исход драки предрешен, и закончится она быстро. «Кричать надо! Людей звать!»

Осуществить это намерение ей не удалось: старик, который, оказывается, так никуда и не ушел, поднял трость и легонько постучал по плечу одного из подростков.

– Че? – Тот обернулся, недоверчиво уставился на него. – А, мумия! Блин, болезный, ну ты реально по-хорошему не понимаешь!

Он перехватил палку – точнее, попробовал перехватить... Но старик с необычайным для его возраста проворством дернул посох на себя, а когда парень наклонился вперед, легонько стукнул его по шее. Послышался вопль, и подросток свалился на асфальт, обхватив руками затылок.

«Как он это сделал?» – промелькнула у Ирки в голове удивленная мысль. Больше она ни о чем подумать не успела, потому что события стали разворачиваться с невероятной быстротой.

Трое бросились на старика, но ни один не смог добежать до него: палка, раскрутившаяся в воздухе словно сама по себе, без участия хозяина, подрубила двоих под колени, а третьему влетела в пах. Раздался полный боли крик, и Ира попятилась назад, с изумлением обзревая поле боя.

Собственно, бой на этом закончился.

Вверху что-то негромко щелкнуло, и фонарь погас, будто решив, что его долг исполнен. Занавес темноты опустился над разыгравшейся сценой.

– Пойдем, – мрачно бросил дядя Миша. – Чего стоишь, рот раззявив?

От его голоса Ирка пришла в себя и бросилась следом за стариком. Один из валявшихся на асфальте поднял голову, провожая их взглядом, и приоткрыл рот от удивления.

Дед больше не хромал.

Дядя Миша шел так быстро, что Ирка едва успевала за ним. Лицо у него было рассерженное, насупленное, и она не лезла с расспросами, хотя спросить очень хотелось. Но старик опередил ее.

– Откуда взялась? Зачем полезла? – зло спросил он, обернувшись.

Ирка, не веря своим глазам, смотрела на «дядю Мишу». Трясущийся от страха пенсионер куда-то пропал, уступив место недоброго вида человеку с жестким прищуром.

– Я из дома убежала, – выпалила она. – Ждала вас, потом решила в парк пойти, погулять. А там эти гады! Я просто хотела вас защитить!

– Только твоей защиты мне и не хватало, – скривился тот. – Отдал бы я дурачкам триста рублей да лопатник из кожи чебурашки, с меня бы не убыло. А теперь по всему району будут ходить слухи о старичке, который дерется посохом!

– Гэндальф Серый... – тихо сказала Ирка.

– Чего?

– Это такой колдун из книги Толкиена.

– Не читал! – отрезал старик.

Они остановились возле подъезда, и Ирка замерла. Если сейчас ей велят повернуться и уходить...

– Ты в гости ко мне напрашиваешься? – напрямик спросил дядя Миша.

Девочка молча кивнула, внутренне сжавшись. Дед наклонился, пристально посмотрел ей в глаза, и Ирка вытаращилась изо всех сил, будто играла в гляделки. Старик сдержал улыбку.

– Ладно, – подумав, нехотя проговорил он. – Идем. Но учти – сболтнешь кому лишнее слово о том, что видела...

Ирка отчаянно замотала головой:

– Дядя Миша, я ни за что!..

– И не называй меня дядей Мишей! – прервал ее старик. – Михаил Степанович мое имя. Можешь еще по фамилии обращаться, если выговоришь.

– А какая у вас фамилия? – осмелилась спросить Ирка.

– Грюннелъвальд-Запричувидзе. Шучу, шучу! Гройс, вот какая.

«Гройс, Гройс», – несколько раз повторила про себя девочка, поднимаясь за ним по лестнице – воспользоваться лифтом Михаил Степанович отчего-то не захотел. Пятый этаж, шестой... На седьмом этаже он наконец остановился, а окончательно запыхавшаяся Ирка ухватилась за перила, поражаясь тому, что старик выглядит бодрячком после быстрого подъема.

– Лапти снимай, – распорядился Михаил Степанович, распахивая входную дверь. – И Прохора не трогай, он этого не любит.

Зажегся свет, и девочка в испуге отпрянула в сторону. На тумбочке перед зеркалом сидел огромный красногрудый попугай со страшным кривым клювом, похожим на ятаган, и смотрел на нее круглым смородиновым глазом. Длинные когти на морщинистых лапах напоминали крючья.

– Проша, у нас гости, – сообщил хозяин, и птица наклонила голову набок, словно поразились тому, какое нелепое существо пришло к ним в дом.

– Это... кто? – выговорила Ира, никогда прежде таких птиц не видевшая. – Попугай, да?

Ятаган раскрылся, и из него донесся граммофонной хриплости звук:

– Пр-р-роша. Прр-рошу!

Ирка шарахнулась назад, ударилась о полку и зачем-то в ужасе сделала перед попугаем книксен. Тот склонил голову на другой бок, а в глазах его появилась отчетливая насмешка.

– Проходи-проходи, не бойся! – крикнул из комнаты Михаил Степанович. – Только вплотную к нему не приближайся.

Приблизиться к чудовищной птице вплотную девочка не согласилась бы даже за вознаграждение. Боком, по стеночке, она просочилась мимо попугая, не сводившего с нее взгляда, и как только Прохор остался за спиной, бросилась в комнату.

– Садись.

Ирка послушно забралась на диван, подумав, подогнула под себя голые ноги.

– Рассказывай.

Ничего не утаивая, она рассказала все, что случилось за сегодняшний день, упомянув и про Ляльку, и про телефонный разговор с матерью. Повествование вышло намного короче, чем ожидалось, – должно быть, оттого, что Ирка описывала случившееся скупно, без прикрас

и подробностей. Михаил Степанович сидел, прикрыв глаза, и по лицу его невозможно было понять, слушает он ее или нет.

Воспользовавшись этим, Ирка наконец-то как следует рассмотрела своего родственника. На вид ему было около семидесяти. Отросшая седая щетина, на улице казавшаяся неряшливой, под электрическим светом странным образом придала ему благообразия. Худое лицо, ввалившиеся щеки – однако изможденным Гройс вовсе не выглядел. «Бывший летчик», – отчего-то пришло в голову Ирке, она сама не могла бы сказать отчего. Было в его выправке и скупости жестов и слов что-то военное, отдававшее жесткой дисциплиной и беспрекословным повиновением.

Наконец он открыл глаза и взглянул на нее:

– Хорошо. Можешь остаться. Но брать тебя в нахлебницы не стану, не надейся. Так что готовься отрабатывать проживание.

Очевидно, на Иркином лице отразилось то, что она представила при слове «отрабатывать», потому что Михаил Степанович покачал головой:

– Не тем способом, о котором ты сейчас подумала. Для этого я уже слишком стар, а ты слишком мало похожа на взрослую женщину. Нет, барышня, тебе придется работать. Можешь считать, что ты будешь работать на меня.

– Гладить-убираться-готовить? – деловито перечислила Ирка. – Продукты носить, деньги считать. Попугая чистить... Что еще?

И тут Михаил Степанович засмеялся. Негромко и удовлетворенно, точно Ирке удалось развеселить его хорошей шуткой. Он смеялся, открывая ровные крепкие зубы с желтым налетом, какой бывает у застарелых курильщиков, и от дверей вторил ему хриплыми звуками незаметно пробравшийся в комнату попугай Прохор.

– Вы думаете, я не справлюсь? – несмело спросила Ирка, косясь на птицу. – Я все это дома делаю уже давно. Так что вы не сомневайтесь...

Старик махнул рукой, и девочка замолчала.

– Попугая чистить – это прекрасно... – пробормотал он. – Слышишь, Проша? Тебя собирались чистить.

От дверей раздался негодующий клекот.

– Успокойся, я растолкую нашей гостье, в чем она неправа.

Михаил Степанович поднялся, подошел к Ирке и присел перед ней на корточки.

– Ты уже взрослая девочка, совсем большая, – с легкой усмешкой сказал он. – Поэтому сейчас я объясню, чего жду от тебя. Ты выслушаешь, и если мое предложение тебя не устроит, встанешь и уйдешь. Если устроит, останешься и будешь делать все, что я потребую. Договорились?

Ирка кивнула. Она во все глаза смотрела на старика. В последней школе ей многое рассказали о возможностях трудоустройства для несовершеннолетних девушек, поэтому Ирка вовсе не была наивной. «Наверное, сейчас скажет, что он сутенер. И захочет, чтобы я работала проституткой».

– Когда-то давно я был мошенником, – спокойно и как-то очень просто сказал Михаил Степанович. – Не сказать, чтобы настоящим *артистом*, но неплохим. Азам своей профессии я могу научить и тебя, с поправкой на гендер. Твоя выгода – знания, моя – деньги, которые ты заработаешь для нас обоих. Все очень просто.

Ирка старательно обдумала сказанное, в том числе непонятную поправку на гендер, сдула упавшую на глаза челку и тоном отличницы, тянущей на уроке руку, спросила:

– Можно вопрос?

– Можно.

– Почему в парке вы хромали? Зачем?

Михаил Степанович одобрительно усмехнулся:

– Последние пятнадцать лет своей жизни я следую нехитрому правилу. И оно, должен сказать, еще ни разу меня не подводило. Запоминай: всегда кажись слабее, чем есть. Сильными хотят выглядеть только дураки. Но применяй это правило с умом и думай, что тебе важнее: впечатление или результат. Если первое, то можешь притворяться кем угодно. Если второе, старайся выглядеть слабой. Противник недооценит тебя и станет совершать ошибки. А уж женщинам сам бог велел этим пользоваться.

Ирка задумалась.

– Что, не веришь мне?

Она покачала головой:

– Верю. Вот только...

– Что?

– Вы сказали – «можешь притворяться кем угодно». Но как? Разве я смогу?

Вместо ответа старик встал и отошел к стене. Ссутулился, постоял немного спиной к Ирке, а затем повернулся.

За несколько секунд, что девочка не видела его лица, с Михаилом Степановичем произошли разительные перемены. Подумав, Ирка решила, что изменился весь его облик, а не черты. Теперь перед ней стоял кокетливый молодящийся старичок, пришедший на танцплощадку в санатории, и для полноты образа ему не хватало лишь ностальгической гвоздички в петлице. Вихляющие движения, постоянная глуповатая улыбочка... Он подошел к ней, склонился в галантном полупоклоне:

– Па-азвольте пригласить вас на вальс!

Девочка прыснула.

Михаил Степанович качнул головой, и старикашка растаял, словно его и не было.

– Поняла? Если я могу, то и ты сможешь. Главное здесь – наблюдательность и тренировки. Идика сюда. – Михаил Степанович подвел Ирку к зеркалу. – Посмотри внимательно.

Ничего нового зеркало не показало: мелкая тощая школьница с незапоминающимися чертами. Нос приплюснутый, уши оттопыренные – вот и все приметы. Вроде бы всё на месте, глаза-губы-щеки, а отвернешься – и не вспомнишь. Разве что волосы неплохие – темно-русые, длинные и прямые, густые, как июньская трава.

– Посмотрела, – сказала Ирка. – Не нравится.

– Это потому, что ты совсем еще дурочка, – беззлобно констатировал старик. – У тебя отличное лицо. Нужно лишь научиться с ним работать.

Глава 2

Казино переливалось огнями, заманивало спортивным автомобилем, который можно было выиграть в лотерею – нужно лишь войти и сделать ставку. Похожая на пулю машина, водруженная перед входом с колоннами, заставляла зевак останавливаться и рассматривать серебристый корпус.

Андрей тоже хотел остановиться, но его с силой дернули за локоть.

– С ума сошел, мальчишка? – процедил вполголоса Марк. – Ты еще успеешь засветить свою рожу на камерах.

– Извини... – пробормотал Андрей, ругая себя за глупость – мог бы и сам сообразить.

Они не должны привлекать к себе внимания – всего лишь очередные посетители только что открывшегося казино, которых больше интересует игра, чем розыгрыши для простаков. Раньше Андрей думал, что у клиентов и в самом деле есть шанс получить машину, но Марк объяснил: выигрышный билет достанется кому-то из «своих», пришедших под видом гостя. «Честной игры здесь не бывает».

Они прошли мимо охранников в полутемный зал, где тут же возникла очаровательно улыбающаяся девушка:

– Добрый вечер, господа, добрый вечер, рады вас видеть!

Марк небрежно кивнул:

– Где у вас покерные столы?

– Прошу вас!

В мгновение ока появилась вторая девушка, очень похожая на первую, и, сияя такой же радужной улыбкой, проводила их к покеру.

Марк купил фишки, взял бокал шампанского с подноса официанта, и повел Андрея по залу, то и дело наклоняясь к нему, словно объясняя правила игры. Фланируя среди гостей, Андрей заметил Ваську и Юрку. Первый с непринужденным видом стоял возле рулетки, второй разговаривал о чем-то с крупье у соседнего стола. «Как раз покерный!» Андрей незаметно указал Марку в сторону младшего из братьев.

– Вижу, – спокойно ответил тот. – Юрка молодец, правильно выбрал. Объясни почему.

– Марк, может, сразу к столу? – попросил Андрей.

– Скажи, почему Юра выбрал именно этого дилера, – чуть холоднее повторил Марк, и Андрей понял, что отвертеться не удастся.

Он внимательно посмотрел на парнишку, раздающего карты перед младшим Храповым, пробежался взглядом по другим крупье. Ему никак не удавалось приучить себя называть их на американский лад – дилерами.

– За остальными покерными столами работают девушки – это раз, – начал Андрей. – Они увереннее чувствуют себя в общении с мужчинами, их труднее отвлечь. Этот крупье – из новеньких, тех, кого специально готовили к открытию. Он волнуется, хоть и старается это скрыть. Слишком внимательно смотрит на карты, на инспектора покосился несколько раз... Да, ему не по себе. Если выбирать слабое звено, то он лучше прочих годится на эту роль.

Марк кивнул:

– Ну что ж, у тебя будет отличная возможность проверить, прав ты или нет.

Они подошли к столу, присели, и Марк тут же затеял разговор с крупье. Имя того было написано на бейдже: Савва. Андрей, согласно исполняемой им роли, с любопытством оглядывался вокруг, задавал глупые вопросы и лучился радостью оттого, что ему позволили проиграть немного денег.

– Сынок, ты, главное, сначала оглядись, – с отеческой заботой увещевал его Марк. – Не торопись, все успеется. Правда, Савва?

Крупье улыбнулся, сдал карты, и игра началась.

На то, что ему выпало, Андрей почти не смотрел. Это не имело никакого значения. Он играл, не задумываясь, действуя автоматически, полностью освободив ум для наблюдений за тем, что происходит в зале.

Васька переместился от рулетки к бару и сидел там, потихоньку цедя пиво. Льяной пиджак, густые усы – в таком виде старший Храпов стал похож на известного режиссера. Заметив взгляд Андрея, он закинул ногу на ногу и лениво зевнул.

Повинуясь этому сигналу, Андрей повернул голову в сторону входа. Так и есть! Лощеный длинноволосый блондин, тонкий, как трость, только что вошел в зал и остановился, разглядывая играющих. «Ему лорнета не хватает... Или ромашки в петлице. Артист!»

Лощеный, продефилировав мимо, в нерешительности остановился возле соседнего стола.

– Сыграть? Не сыграть? – задумчиво протянул он с легким прибалтийским акцентом. – Красавица, у вас счастливая рука?

– Я надеюсь, – улыбнулась девушка в униформе. Улыбнулась искренне, от души.

Андрей почувствовал легкую зависть. Арнольду всегда все улыбались. Чудаковатый, но безобидный, он как-то очень быстро располагал к себе людей. И производил впечатление такой оторванности от реальной жизни, что его хотелось опекать и беречь от мошенников, наверняка слетающих на доверчивого иностранца, как пчелы на цветок.

Из всей их группы Арнольд был единственным, кто почти не изменял внешность – разве что время от времени отращивал щегольскую бородку. Здесь он еще не успел примелькаться, и они рассчитывали исчезнуть раньше, чем это произойдет.

Потому что Арнольд был им нужен. Именно ему отводилась главная роль в половине операций. По-хорошему, думал Андрей, его стоило бы назвать не артистом, а фокусником. Тонкие длинные пальцы могли творить с колодой сказочные вещи, и Марк шутил, что в старости их «иностранец» сможет зарабатывать, развлекая зевак на рыночной площади.

Однако на этот раз у эстонца была совсем другая роль. А главная отводилась Андрею.

– Пожалуй, рискну! – громко объявил Арнольд, и Андрей отогнал посторонние мысли, сосредоточился.

Второй сигнал был дан. «Пора начинать».

Игра постепенно набирала обороты. Инспектор, следивший за тремя столами, внимательно смотрел, как повышаются ставки за их столом – Марк, горячась, уже подвинул новую стопку фишек. Юра, проигравший все, сообщил, что выбывает, Андрей попросил сдать ему карты. Взглянул – и почесал за ухом, будто в растерянности.

Дядя не раз говорил ему: покер – отличная игра! Не тот, в который режутся, придя в гости, и не тот, который устраивают в специальных местах для серьезных ставок и серьезных игроков. Такой покер, конечно, тоже хорош. Но покер в казино – отдельная история. А все потому, что у игрока есть возможность взять карты в руки.

Василий допил пиво, поставил бокал на стойку и неторопливо побрел в сторону покерных столов. Внимательный наблюдатель заметил бы, что его немного пошатывает.

– Слышь, а вот я не понял... – начал Юрка, обращаясь к крупье. – Почему я уже полчаса сижу, а мне никто даже шампусика не предложил?

За соседним Арнольд, огорченно вздохнув, поднялся и стал рассказывать девушке, какой флеш выпал ему однажды в таллинском казино летом две тысячи пятого года.

– Я тучу бабла проиграл в твоём заведении, а ко мне такое отношение! – кипятился Храпов.

Инспектор, наклонившись к нему, что-то успокоительно сказал и сделал знак официанту.

– Мне не нужно сейчас, мне нужно раньше! – Клиент икнул. – Где халдеи?

Между делом сосредоточенный Андрей отметил, что Юрка играет свою роль безупречно. Простоватый и нагловатый мужик, падкий на дармовщину, и к тому же из тех, кто не умеет проигрывать. Головная боль любого менеджера казино.

Шампанское уже стояло перед младшим Храповым на столе, а он все говорил и говорил громким, уверенным голосом, и утихомиривать его было делом бесполезным. Свои претензии Юрка обращал исключительно к Савве, полностью игнорируя озабоченного инспектора, и крупье уже пару раз сбился, сдавая карты, под градом его обвинений.

Храпов балансировал на грани. Он не мог позволить, чтобы охрана выставила его раньше времени, и виртуозно удерживался в рамках допустимого.

Василий приближался. Ему оставался с десятков шагов до стола, где сидели Андрей и Марк. Ставки взлетели так высоко, что их игра стала привлекать внимание. Это уже было совершенно лишним – группе хватало и тех, кто сейчас следил за ними с помощью камер. Почти все движения рассчитывались исходя из того, что наблюдение ведется *сверху*.

– Черт! – громко сказал Андрей, ударив ладонью по сукну, и поймал предупреждающий взгляд крупье. Но парнишка ничего не сказал, хотя правила обязывали его сделать замечание нарушившему правила гостю, раз инспектор был занят.

А тому действительно было не до игроков – Юрка попробовал шампанского и теперь возмущался еще громче. Вася Храпов, пошатываясь, шел к столам. Стоило ему поравняться с Арнольдом, как тот сделал шаг назад, маша руками перед лицом девушки-крупье, и наткнулся на Василия.

– Черт! – Храпов отпрянул, едва не сбив пробежавшего мимо официанта. – Глаза на заднице, да?

– О-о-о! – Арнольд ухитрился даже в восклицание добавить акцент. – Грубиян! Как это... Новый русский?

Между ними моментально разгорелась перепалка. Инспектор, устав от спора с Юрой, махнул рукой, и к нему от входа заспешила охрана.

– Савва, вы сегодня первый день как открылись? И уже такой бардак? – недовольно спросил Марк, отодвигаясь от шумного соседа.

– Третий... – рассеянно ответил крупье.

– Ставлю все! – вмешался Андрей.

– Спасибо, ставки сделаны, ставок больше нет!

За спиной Марка послышался звон разбитого бокала, и парнишка непроизвольно отвел взгляд от игроков. Он работал первый день, и все шло не так, как должно было идти. Конечно, их учили справляться с неожиданными ситуациями, но он никак не думал, что останется один на один с возмущенным игроком. Да и эти двое, отец с сыном, вели себя так напористо, что он немного оробел. Савва не мог понять, почему его никак не сменят – то ли время не вышло, то ли инспектор, переключив внимание на скандального гостя, совсем забыл про своего подопечного.

Расчет Юры, выбравшего именно Савву, и Андрея, подтвердившего его решение, оказался точен: парнишка отвлекся, он не мог управлять игрой. Контролер, сидящий у экрана камер наблюдения и следивший за гостями, переключился на потенциальную драку – сработал человеческий фактор, о котором твердил Марк. Поэтому за те несколько секунд, что крупье смотрел в сторону, они с Андреем смогли осуществить то, ради чего пришли сегодня в казино. *Пробой*.

Две карты скользнули из рук Марка к Андрею, а тот перебросил две своих. Момент перехода заметил бы лишь человек, не сводивший с них глаз. Но таких в зале не нашлось.

– Стрит! – радостно сообщил Андрей, когда карты были открыты. – Похоже, сегодня мой день.

Дилер Савва механически придвинул к нему выигранные фишки, про себя подсчитывая сумму, на которую этот парень, явно впервые пришедший в казино, обыграл их заведение. «Правду говорят, новичкам везет», – подумал он, глядя в спину Андрею. Тот уже облачивал выигрыш, а получив деньги, сразу ушел, не задержавшись ни на рулетке, ни возле автоматов. Одновременно с ним покинул казино и его «отец».

Протестующего Юру вежливо, но непреклонно попросили оставить игровую зону, и тот, ворча, вынужден был повиноваться. Вспыхнувшая было ссора между Арнольдом и Василием закончилась ничем: завидев охрану, оба разошлись в разные стороны и вскоре исчезли.

Если бы профессионал просмотрел запись с камеры наблюдения, он без труда смог отследить, в какой момент начался этот хорошо срежиссированный спектакль и где была его кульминация. Именно это и произошло спустя несколько часов, как только старшему по смене сообщили, сколько проиграл один из покерных столов. Но к этому моменту все участники игры уже покинули город.

– «Пробой» был неплох! – ухмыльнулся Юрка Храпов, войдя в комнату и со стуком поставив на стол бутылку коньяка. – Пацана можно поздравить?

Он плюхнулся в кресло, оглядел собравшихся. Белокурый Арнольд, изящно облокотившись на книжную полку, листал художественный альбом. Васька, успевший сбрить усы, расставлял стопки, а возле окна Марк за что-то отчитывал Андрея. Тот стоял, насупившись, упрямо наклонив лобастую башку, и Юрка хмыкнул про себя.

Паренек был первым, кто, похоже, не слишком боялся Марка. Или хорошо скрывал свой страх. И это было необычным. Все остальные не просто признавали старшинство Марка Паулса – они опасались его, как люди разумные опасаются гремучей змеи, даже если она не успела никого укусить. Просто из инстинкта самосохранения.

Сколько лет Паулсу, никто не знал. Арнольд считал, что сорок, Юрка был уверен, что не меньше пятидесяти. Узкогубый, поджарый, всегда загорелый, он чем-то напоминал индейца. Волосы на голове сбрасывал наголо – узкий его череп, вытянутый, как дыня, поражал идеальной формой. Был Марк расчетлив, коварен, азартен и очень жесток.

Храпову довелось однажды услышать историю о том, как некий латыш «обул» подпольное ленинградское казино на огромную сумму. Это были времена, когда с шулерами никто не церемонился: пойманного игрока избили до полусмерти и изрезали ему лицо, пытаясь, куда он спрятал деньги. Его бы прикончили в назидание прочим, но каким-то образом тот выбрался из каменного подвала, где его держали, и исчез в лесах. В подвале спустя короткое время нашли четыре трупа – трое задушены, у одного череп раскроен топором.

Юрка не знал, имеет ли эта история отношение к Марку Паулсу. Он не знал даже, латыш ли тот – Марк говорил без всякого акцента и никогда не упоминал о том, где родился и вырос. На щеках его, если приглядеться, просматривались тонкие узкие змейки застарелых шрамов, но мало ли откуда могут взяться шрамы у человека...

Братьев Храповых Марк подобрал восемь лет назад, когда они по глупости влезли в солидную игру, поставив на кон все, что имели. Солодная игра оказалась подставной, братья проигрались, и тут-то, подобно доброму волшебнику, появился Паулс. Он закрыл их долги, а Юрку и Василия взял к себе в помощники. Арнольд к этому времени уже работал с Паулсом, причем он пришел к Марку на место своего старшего брата, убитого случайно при каких-то темных обстоятельствах.

И вот – мальчишка. Новый член их группы. Им действительно не хватало человека, но все полагали, что Паулс возьмет кого-нибудь из опытных, проверенных людей. Однако Марк решил иначе.

Юрка знал, что двадцатилетний Бондарев сам больше года работал крупье, или, как стало принято говорить теперь, дилером. Порядки казино были известны ему изнутри. Его дядя, известный киевский «катала», решил приспособить племянника для дела и пару лет «образовывал» мальчишку, пока не свалился с опухолью, от которой и помер в два месяца. Но перед смертью он успел поговорить с Марком Паулсом.

При мысли о том, что Марк решил оказать умирающему последнюю услугу, на глаза Юрки Храпова наворачивались слезы. От смеха. Паулс никогда ничего не делал без выгоды для себя. Если он согласился взять парнишку, то вовсе не из милости, а потому, что собирался использовать его. Но в чем – этого Юрка пока не мог понять.

«Пробой» прошел успешно, Бондарев показал себя хорошо. Он действительно был ловким малым, как и говорил его дядя. Пока парнишка казался спокойным и здравомыслящим, и самое главное! – он почти не боялся Марка. Слушался, хотел ему понравиться, но – не боялся.

«Это он поначалу, – решил Храпов, исподтишка рассматривая стриженного темноглазого крепыша. – От непонимания, с кем связался. Быстро обломает Марк мальчишечку, лишь бы не сожрал в процессе».

Паулс закончил разговор, подошел к столу:

– Что, братцы, нет повода не выпить?

Его дружно поддержали. В кармане у каждого лежала пачка купюр, полученная после вчерашней игры.

– Хорошо сработали. Чисто. Наш малыш допустил пару ошибок, но мы с ним все обсудили, он обещал исправиться.

В дверь позвонили. Андрей встрепенулся, но Юрка его успокоил:

– Сиди. Это Коврига пришел, свой.

Коврига оказался щуплым мужичком в косоворотке, которая была велика ему на два размера.

– Опять ты как жертва гуманитарной помощи, – фыркнул Василий.

– Молча завидуй, – огрызнулся мужичок.

– Рассказывай, что для нас есть. – Марк недовольно взглянул на обоих.

– Есть еще один пробой. В Екатеринбурге на следующей неделе открывается казино, все дилеры – свежие. Идет?

Марк задумался.

– Идет, пожалуй, – наконец решил он. – Точно свежие?

– Сто процентов. Специально набирали мальчиков-девочек, вы их раскрутите на раз.

Арнольд взял со стола игральную карту, щелкнул пальцами, и карта исчезла, будто растворилась в воздухе. Андрей восхищенно присвистнул.

– Не свисти, – одернул его Василий. – Примета плохая. Если игрок с картой в руке, нельзя свистеть или под руку говорить. И черта поминать тоже.

– Ясно. Больше не буду.

Все выпили. Первая стопка всегда шла за фарт, за удачу, за легкую руку и лисье чутьё. Разлили по второй, и Василий обратился к Ковриге:

– Сань, давно ты узнал про новое казино?

– Сегодня. – Он чуть помедлил перед ответом. – Птица на хвосте принесла. Завтра реклама во всех местных газетах будет. Предлагаю не мелочиться, играть по-хорошему.

– Ох, боюсь я что-то туда соваться, – задумчиво протянул Юрка. – Засветили мы свои рожи вчера. Может, сделать перерыв?

– Какой перерыв? Какой перерыв? – загорячился Коврига. – Такой случай представился! Там одних покерных – семь столов. Картинки чисто перекинули? – обратился он к Паулсу.

Тот, поколебавшись, кивнул. Мальчишка и впрямь сыграл безупречно: считал все знаки, составил комбинацию, попал точно в ту секунду, когда дилер отвлекся. Выглядел он неотесанным, а вот пальцы у него оказались ловкие.

– Чего же еще вам надо?! Возьмете денежку, мои – двенадцать процентиков, как обычно.

Андрей недоверчиво взглянул на Паулса. Двенадцать процентов? За то, чтобы рассказать о новости, которая завтра будет во всех газетах?

– Уговорил, – сказал Марк. – Второй пробой провернем – и отдохнем немного, расслабимся. Все согласны?

Ответом ему было негромкое бурчание. Паулс спрашивал риторически, поскольку решения всегда принимал сам, единолично. Юрке не нравилась затея идти на второе дело, он и сам бы не мог сказать почему. Казалось бы, все складывалось удачно – а вот поди ж ты, не лежала у него душа к этому казино.

Но послушаться Марка он не мог, поэтому послушно кивнул вместе с остальными.

Все прошло даже легче, чем в первый раз. Правда, дилер Бондареву и Паулсу достался сосредоточенный, внимательный. Но стараниями Арнольда и Васьки он все-таки отвлекся, а Марк так жестикулировал, что обмен картами прошел незамеченным.

Они сорвали куш в два раза больше предыдущего. Андрей старался подражать Паулсу, который держался бесстрастно, но он видел, что глаза у Марка возбужденно блестят, и сам не смог удержаться от торжествующего:

– Мы их сделали, Марк, мы их сделали!

Выйдя из казино, они сразу сели в подъехавшее такси.

– В аэропорт, – распорядился Паулс.

Из аэропорта они уехали на другой машине – осторожный Марк всегда заметал следы. Покружившись по городу, подъехали аккуратно к отходу поезда, и вскоре уже входили в купе, где братья Храповы валялись на полках. Рядом с Юркой удивившийся Андрей увидел Ковригу – все в той же косоворотке, встрепанного, нервного.

– Думали, опоздаете! – поделился Юрка. – Арнольд в соседнем купе.

– В вагоне чисто? – подозрительно спросил Паулс.

– Вроде никого. Командировочные да семейные.

– Долю мою давай, мне с вами ехать не с руки! – поторопил Коврига Паулса.

Тот по-волчьи зыркнул на него, но ничего не сказал – только отсчитал деньги.

– Что мое – то мое, что не мое – то ваше! – Мужичок скатал купюры в трубочку и сунул ее, не скрываясь, во внутренний карман своего странного одеяния. – Счастливенько вам оставаться, ребятки! – пожелал он и шутовски раскланялся на все стороны. – Вернее сказать, ехать!

Когда за ним закрылась дверь, все вздохнули с облегчением.

Васька свесился сверху:

– Что, можем отметить? Зовем Арнольда?

– Рано! – отрезал Марк. – Сначала до Москвы надо добраться без приключений.

Все были возбуждены, но старались выглядеть сдержанными.

«Как будто маски нацепили», – подумал Андрей.

Самый молодой, он казался спокойнее остальных, и так оно и было на самом деле. Волнение, охватившее его при виде выигранных фишек, прошло, стоило им оказаться с деньгами в руках. К тому же Бондарева не отпускало странное чувство, которое он никак не мог определить. Но оно ему не нравилось.

«Это с непривычки».

Ночью Андрей проснулся оттого, что вагон сильно качнуло. Поезд замедлил ход. Под суетливый громкий перестук колес парень открыл глаза.

Он увидел, что дверь купе отъезжает в сторону, и успел, шурясь, разглядеть в контрольном свете фигуру проводницы. Затем она отступила, и внутри оказался человек – или двое, Бондарев так и не успел понять. Он привстал, но в нос ударила струя какого-то едкого вещества, и голова наполнилась тяжелой, мутной водой. Его тянуло на дно, в пугающую черноту, просвечивающую зеленым. В последний момент перед глазами мелькнула карта – трефовая дама, легкомысленно улыбнувшаяся ему. Дама с громким треском раскрыла веер, и от этого оглушительного звука Андрей окончательно провалился в забытие.

Когда он пришел в себя, Марк Паулс стоял к нему спиной, наклонившись над открытой сумкой. Юрка ворочал шеей, словно проверяя, не сломана ли она, и лицо у него было перекошено, а Василий, кожа которого приобрела пепельно-серый оттенок, лежал на полке и тяжело дышал. На губах у него пузырилась пена.

– Врача надо, – дернулся Андрей, едва взглянув на старшего Храпова.

Паулс обернулся к нему с таким выражением, что Бондарев опустил обратно. Рот у Марка перекошило, угол глаза дергался. Крупные капли пота блестели на коричневом черепе, стекали по лбу, нависали над губой.

– Сиди! – прохрипел он. – Врача ему еще!

– Василию плохо... – попробовал возразить Андрей.

Но Паулс наклонился к нему ближе, и в черных глазах сверкнуло бешенство:

– Щенок! Заткнись, слушай старших! Сиди молча, понял?

– Хорошо, – спокойно согласился парень. – Я понял тебя, Марк. Сижу молча.

Несколько секунд Паулс, не мигая, смотрел на него, затем отвернулся и снова принялся рыться в сумке. Юра встал и с видимым трудом перебрался на койку Андрея.

– Нельзя сейчас врача, – тихо сказал он. – Оклемаемся, будем выбираться отсюда. А если чужого человека привести, через двадцать минут здесь будет наряд.

– Я понял, – так же тихо ответил Андрей. – Все деньги у нас забрали?

– Все, что было. Небольшая часть у Арнольда, к нему в купе не сунулись, побоялись посторонних. Но сколько там? Так, слезы одни.

Бондарев подумал. Думать было трудно, потому что слезились глаза и к тому же стало отчаянно, как при жестокой ангине, драть горло. Но какая-то мысль крутилась в голове, и наконец он выудил ее на поверхность:

– А проводница? Она им дверь открыла! Я видел, она стояла в проеме...

– Ну и что? Допустим, прижмешь ты ее, нож к горлу приставишь, она и признается, что пошла на это за две штуки грина. Заберешь ты у нее эти две штуки, если она по дурости не сообразила их скинуть или припрятать. А потом-то что?

Андрей вынужден был признать, что ничего.

– Хватит языками чесать, – одернул их Марк, закрывая сумку. – Собираться пора, скоро станция.

Братья Храповы не выразили удивления, только Василий тяжело вздохнул и перевалялся набок. Юрка пересел и обтер полотенцем его серое лицо.

– Мы выходим, не доехав до Москвы? – уточнил Андрей.

– А ты как думал? Надо возвращаться.

– Зачем?

Марк рывком натянул футболку, вытер краем пот.

– Думаешь, я такое дело без последствий оставляю? – недобро прищурился он. – Чтобы все знали, что Марка Паулса может кинуть любая шваль? Нет, Андрюша... Пока я ворье не накажу, беспредельщиков этих, о новом деле и речи не будет.

– Так ты знаешь тех, кто нас вырубил? – Андрей совсем перестал понимать, что происходит. – Я думал...

Юрка невесело усмехнулся.

– Не знаю, что ты думал, – жестко бросил Марк, – но объясню тебе как дурачку: без наводки такие дела не делаются.

– Навели на нас, Андрей, понимаешь? – выговорил неожиданно Василий, приподнимая голову. – К гадалке ходить не надо. Все знали: куда поедем, сколько возьмем, сколько человек будет.

Вопрос «А кто?!» вертелся у Бондарева на языке, хоть он и понимал, что задавать его не следует. Как вдруг голова немного прояснилась, и Андрей сам понял ответ.

– Коврига... – удивленно сказал он.

– Вот именно. – Марк выглянул в окно, где виднелись купола какого-то городка. – Саня, тварь жадная! Свою долю срубил, еще и нашу захотел. Дадим ему столько, чтобы подавился...

К дому Ковриги они подошли поздно ночью. Василий поднял голову, отсчитал, шевеля губами, нужный этаж.

– Не спит, – пробормотал он, – денежки считает.

Они стояли втроем: Марк, Андрей и Василий Храпов. Арнольда и Юрки с ними не было: Паулс отправил их в Москву «для подготовки плацдарма», как он выразился.

– Зачем мы сюда пришли? – тихо спросил Андрей, не обращая ни к кому в отдельности. – Коврига нам в жизни не откроет. Проще выследить его, когда он выйдет из дома.

– Почему не откроет? – усмехнулся Марк. – Откроет, никуда не денется. Он, дурашка, думает, что мы ни о чем не догадались.

– Вроде как оно само сделалось, – хмыкнул Василий. – Налетели ветры злые и сорвали черную шапку. А он только направление указал.

– Ладно, пошли. Чего впустую балаболить?

Они поднялись на третий этаж. Марк шел впереди, за ним – Андрей, Храпов замыкали шествие. Один раз, когда этажом выше хлопнула дверь и раздался женский голос, они остановились, выжидая. Женщина проговорила что-то недовольным тоном, хлопнула крышка мусоропровода, и на лестнице вновь стало тихо.

– Пошли, – приказал Марк. – Так, Вась, встань здесь, чтобы он тебя не видел. А ты, малыш, иди сюда, поближе.

Поймав вопросительный взгляд Андрея, пояснил с нехорошей улыбочкой:

– Ты-то у него точно подозрений не вызовешь.

И нажал на кнопку звонка.

Бондарев был уверен, что им не откроют. Он слышал шарканье шагов в квартире, чувствовал, как дышит ему в плечо спрятавшийся сзади Васька Храпов, и думал, что зря они все это затеяли. Только насторожат Ковригу. Он уверен, что группа Паулса уже в Москве, и чувствует себя в безопасности, а они, получается, предупреждают его...

Только Андрей решил, что еще пара секунд – и можно уходить, как щелкнул открываемый засов. Они вошли в полутемный коридор. Коврига стоял посреди и выглядел до крайности нелепо в длинных шортах и короткой драной майке, едва прикрывающей ему живот.

– Здорово, Сань, – бодро сказал Марк. – Прости, что поздно... Тут одно дельце к тебе наклюнулось.

– Здорово... – с искренним, как показалось Андрею, удивлением пробормотал мужичок.

– Вот что я тебе сказать хотел...

Произнося эти слова, Марк шагнул вперед и молча выбросил правую руку. Коврига охнул, присел, в глазах его мелькнуло недоумение, которое сменилось болью. «Нехило он его приложил, – подумал Андрей. – Вся печень отбил, наверное».

Против своей воли он почувствовал жалость к дурачку Ковриге. Сейчас ему еще и Храпов добавит, он тоже в ярости, как и Марк. «Сам бить не буду», – решил Бондарев.

Коврига никак не мог прийти в себя после удара – он привалился к стене и сполз по ней, прикрыв глаза. Руки его были прижаты к животу. Все трое в молчании смотрели на него. Паулс сделал шаг в сторону, и Андрей увидел, что между пальцев у Ковриги торчит черная рукоятка ножа.

Сзади негромко щелкнула дверь: Васька Храпов запер ее изнутри. Но Бондарев даже не услышал этого – он смотрел на тело, и на лице его было написано такое же удивление, как и у мертвого Сашки.

– Вынь перо! – приказал Марк Андрею и, видя, что тот стоит неподвижно, повысил голос: – Вынь, тебе сказано! Хочешь улику здесь оставить?

Бондарев подчинился, действуя совершенно машинально. Он присел на корточки, отвел руку Ковриги и с усилием потянул на себя нож. Лезвие вышло, блеснув при тусклом свете сталью, и из раны выплеснулась кровь.

– Давай сюда!

Откуда-то сзади то ли Васька, то ли сам Марк сунул пакет («зачем пакет?.. шуршит...»), и нож упал в него. Пакет тотчас же прибрали, и Андрей поднялся.

– Давай в комнату, надо глянуть, что там, – распорядился Паулс.

Он подтолкнул Бондарева вперед. Андрей прошел несколько шагов и сел на стул. Его обычное спокойствие превратилось в отупение: он плохо понимал обращенные к нему слова и никак не мог до конца осознать, что произошло только что на его глазах. Коврига... Потом Марк ударил его... И труп, с ножом в животе.

– Вот оно, нашел!

Из состояния прострации Андрея вывел голос Василия. Тот с торжествующим видом бросил на стол толстую пачку денег. Бондарев только теперь обратил внимание что Храпов в перчатках.

– Еще смотри, – бросил Марк. – Наверняка у него не одна заначка, а больше.

Через десять минут Василий выудил из разобранного пылесоса пакет, в котором просматривалась пачка.

– Ай, Вася, голова! – похвалил его Паулс. – Что, все обыскали? Тогда пошли, ребятки.

– Куда пошли? – подал голос Андрей – первый раз за все время.

– Не куда, а откуда, – с неожиданной ласковостью отозвался Марк. – Отсюда. Что нам здесь делать?

– А Саня? – глупо спросил Андрей.

Марк переглянулся с Василием.

– Ну хочешь, с собой его заberi, – предложил он, и Васька хохотнул. – Только зачем тебе? Он ведь жадный был, Коврига. И процент брал большой, грабительский, можно сказать, процент! Пойдем, Андрюша. Мы здесь свое дело сделали.

– А как же те, кто напал на нас в поезде?

Марк с сожалением посмотрел на него.

– Здесь-то их нет, верно? – мягко, словно говоря с ребенком, объяснил он.

– Все, хорош сопли жевать, топай на выход, – вмешался Василий. – Нечего здесь торчать.

Всю обратную дорогу Андрей не мог избавиться от наваждения – ему мерещилось, будто оставленный один Коврига пытается вытащить нож из живота. Он не мог понять, зачем

понадобилось убивать безобидного мужичка. «Пусть трусливый, пусть предатель, но убивать-то зачем?!»

Он сидел у окна в квартире, куда они приехали после убийства, и смотрел в окно. Ему было тошно.

– Малыш, – позвал его Марк. – Держи, чтобы тебя совесть меньше мучила.

Он ловко перебросил ему пачку денег.

– И выкинь ты Саню из головы. Говорю же, процент он брал высокий.

– Можно было не платить этот высокий процент, – без выражения сказал Андрей, глядя на сложенные вдвое купюры.

– Если не платить, тебя в другой раз ни в одно казино здесь не пустят, – возразил Василий. – А сейчас, глядишь, очередной «вертушок» подумает, прежде чем цены задирать.

У Андрея что-то включилось в голове. Он посмотрел на Храпова, потом на деньги, потом снова на Храпова.

– Вы его не из-за ограбления убили... – медленно сказал он. – Не было никакого ограбления. Это все подстава. Ваши люди дверь открыли, из баллончика прыснули, деньги забрали. А ты потом придумал, будто это Коврига на нас отморозков навел. Тебе не хотелось ему платить двенадцать процентов. Да и Саниными запасами на квартире неплохо поживились.

– Соображаешь, – похвалил его Марк, ничуть не возмущенный обвинениями. – Только почему же мы убили? Ты его убил, малыш.

– Я? – переспросил Андрей.

– А кто же? Нож с твоими пальчиками – имеется, да и наследил ты по квартире немало. Если милиция будет разбираться и найдет отпечатки, то к кому они придут? Правильно, к тебе. Ты, конечно, можешь сказать, что не убивал, что тебя, как говорят в фильмах, подставили! Но, боюсь, тебе никто не поверит.

Бондарев с минуту смотрел на него. Потом глухо спросил:

– Марк, зачем тебе это?

– Как зачем? – удивился тот. – Ты, малыш, не в куличики поиграть пришел. У нас другие игры. И соскочить с них ты можешь, только если я тебя отпущу. Мало ли что тебе в голову придет! Может, завтра ты решишь сдать Марка Паулса вместе со всеми его друзьями-приятелями! Придумаешь, что мы вместе казино ощипывали... Или к хозяевам рулетки придешь, предложишь показать, кто и как чистит им покерные столы. Бывали уже такие случаи, людей за копейку сдавали. Нет, малыш, такой фокус у тебя не выйдет. А попробуешь – отправишься на зону. Мне тебя выгораживать резона не будет.

– Я бы и так этого не сделал... – проговорил Андрей.

– Так *бы* не сделал, – Паулс подчеркнул «бы», – а теперь точно не сделаешь. Иди спать, Андрюша, завтра в столицу поедем.

Глава 3

По рынку плыла длинноволосая девица в короткой кожаной курточке. Хлопала ресницами, выдувала пузыри жвачки, ненадолго задерживалась возле развалов.

– Что ищешь, красавица?

– Девушка, чем вам помочь?

– Да вы примерьте!

Наконец она остановилась возле пестро одетой продавщицы цыганского вида, сидевшей в окружении мехов.

– Я хочу шубку, – капризно сказала красавица, и продавщица вскочила:

– Какую тебе, слушай? Любую выбирай! До того все хорошие! Посмотри, какой мех, пощупай!

Наманикюрными пальчиками девица осторожно трогала мех, поджимала губки. Цыганка бесом вилась вокруг нее, поблескивала золотыми зубами:

– Скажи, что хочешь, – все подберем! Так оденем тебя – твой мужчина ахнет! Упадёт и станет ноги целовать!

– Норку хочу, – решила девица. – Нет, рысь! Вот с таким воротником.

И она показала, с каким.

Продавщица проворно стащила шубу с вешалки, выбрала ту, где мелкие кусочки меха были сшиты кое-как: покупательница все равно ничего не смыслит в шубах, ей можно подсунуть любое барахло.

– Посмотри, какая красота! – залилась она соловьем, поднося шубу на вытянутых руках. – Твой размер, вижу, как влитая сядет! Повесь курточку сюда, надевай шубку!

Девица кивнула и вынула из кармана курточки пачку купюр, перетянутую резинкой. Постояла в нерешительности, будто не понимая, что ей делать с деньгами.

– Сумочку-то не взяла... – пробормотала она. – А, ладно!

И небрежно сунула пачку обратно в карман. Сняла куртку, повесила на вешалку в углу павильона.

– Давайте вашу шубку, – разрешила девушка. – Посмотрим, как сидит.

Она принялась вертеться перед зеркалом, не обращая внимания на то, что происходит за ее спиной.

Цыганка, не веря своей удаче, скользнула к вешалке и встала так, чтобы не попадать в поле зрения покупательницы. Рука с перстнями нырнула в ближний карман. Пальцы нащупали пачку купюр, и продавщица ловко вытащила ее, проделав все быстро и незаметно. Оставалось лишь сунуть деньги в складки юбки.

– Э, дамочка! Ты это чего?!

Цыганка дернулась, но было поздно: ее руку, в которой было зажато украденное, перехватили мертвой хваткой. Непонятно откуда появившийся хмурый амбал крепко держал ее, а второй, помельче, снимал на любительскую камеру.

– Что, меня хотела обокрасть? – ахнула девица, забыв про шубу. – А-а-а! Воровка! Костя, она твои деньги забрала!

Цыганка извивалась змеей и шипела.

– Милицию надо вызвать, – веско проговорил мужчина, не отпуская ее. – Дело завести. Мы тебя, голубушку, закроем.

– Лет пять дадут, – подтвердил второй, с камерой. – Свидетели, улики... Вот, называется, сходили за шубкой, снимали Диану. До чего ж нечестные люди кругом, – укоризненно обратился он к цыганке. – Все обмануть норовят. Кость, скажи мне телефон местного отделения...

– Давайте по-хорошему уладим, мальчики! – взмолилась продавщица. – Бес попутал, честное слово!

– Ты еще «честное пионерское» скажи!

– Вот те крест, все отдам!

– Конечно, отдашь, – усмехнулся амбал. – Куда ты денешься?

– Да нет, красивый, ты не понял: возьми откуп, в милицию не ходи.

Девушка подошла ближе, нахмурила лобик:

– Твои деньги? Откупиться хочешь? И сколько дашь?

– Десять тысяч, – мигом ответила женщина.

– Пф! Славик, звони в отделение!

– Двадцать! Пятьдесят! Слышишь, пятьдесят тысяч отдам тебе!

Цыганка не хуже остальных продавцов на рынке знала, что местное отделение милиции существует на их деньги. С клиентом можно делать что угодно. Например, эту девушку, приходи она с заявлением о краже, никто и слушать бы не стал. Повесила куртку с деньгами там, где люди ходят? Значит, сама раззява. Мало ли кто мог пройти и вытащить их из кармана! А продавщица ни при чем, не обязана она следить за чужим имуществом.

Так всегда и бывало. Однако сейчас женщине не удалось бы отвертеться, и она это понимала. Ее схватили с деньгами в руке, есть запись на камере, свидетели... Ох, нехорошо вышло, нехорошо...

– Пятьдесят тысяч, – твердо повторила она. – Больше нет.

– Черт с тобой, – смилостивился мужчина, отпуская ее. – Давай деньги. И побыстрее, пока я не передумал! Дианочка, ты согласна? – нежно обратился он к девушке.

– Ну не знаю... Если только она сразу отдаст, и мы уйдем! Не хочу с ней рядом стоять!

Цыганка отсчитала пятьдесят тысяч, которые тут же исчезли в кармане амбала. Парень с камерой незаметно растворился в суматошной рыночной толпе. Девушка сдернула куртку с вешалки и подхватила друга под локоть:

– Пошли отсюда! Здесь одно ворье!

Только через несколько минут ошеломленная произошедшим продавщица сообразила, что покупательница так и ушла в шубе. Она бросилась искать девушку, но парочка уже исчезла.

В машине с темными стеклами, стоящей в переулке неподалеку от рынка, девушка делила деньги.

– Саня, держи! – Она протянула сидевшему на заднем сиденье сложенные вдвое купюры. – Олежек, а это твое. Ну что, мальчики, сегодня еще работаем?

– Как скажешь, Ир! – Парень, игравший роль ее мускулистого приятеля, бросил взгляд назад. Там лежали две шубы из норки и одна из рысьего меха. – У нас еще каракуль остался неохваченным.

– И соболь, – поддакнул Саня.

Троица дружно рассмеялась. С утра они успели обработать четыре рынка и унести шубы с трех из них.

– Давайте ковать железо, пока горячо, – решила девушка, подумав. – Пообедаем – и на юг, там как раз сейчас две ярмарки. Только, мальчики, работать нужно чуть потише. Олежек, ты так возмущался, что народ мог сбежаться со всего рынка.

– Понял, учту. Извини, переиграл малость, увлекся.

В голосе парня прозвучало искреннее раскаяние. Иру они слушались беспрекословно, хотя каждый был намного старше. Но девочка уже не раз доказала, что умеет принимать верные решения, и именно она была старшей в их маленькой команде.

Олега Ирка нашла сама. Они жили в одном доме, Ира знала его с детства и почти не сомневалась, что он согласится на ее предложение. Она поставила условие: нужен второй исполнитель, и через пару дней Олег привел щуплого Саню.

Она научила обоих, что нужно делать. Но основная часть работы все равно оставалась на ней, и вовсе не потому, что она играла глупую неискушенную покупательницу. Главная сложность заключалась в поиске «своего» продавца, и с этим никто, кроме девушки, справиться не мог.

«Итак, запоминай, – учил ее Михаил Степанович. – Первый этап маленького дела всегда начинается с верного выбора. Ты должна определить человека, которого оставишь без денег. Того, кого мы называем лохом. Бывают природные лохи, которых кидают все и всегда, и это самый простой вариант. Но именно потому он годится только для дешевок. Есть те, кого провести сложнее, кто внимателен и подозрителен, – и вот с ними-то и можно играть».

Ирка старательно обдумывала все, что ей говорят, рисовала какие-то схемы. Взяла в библиотеке учебник по психологии, но Гройс заставил ее вернуть книжку, не читая:

– Это мусор. А то, что не мусор, тебе пока рано. Сначала заставляй работать собственные мозги, а затем уж читай книги. Наблюдай за людьми, представляй, что они чувствуют, о чем мечтают, кому симпатизируют, а кого не любят. Ты удивишься, когда увидишь, как много можно узнать, всего лишь открыв глаза. И особое внимание обращай на привычки. Можешь записывать свои наблюдения – систематизация еще никому не мешала.

Ирка следовала всем советам старика. Объектами ее внимания стали сначала одноклассники, потом учителя. Михаил Степанович несколько раз встречал ее после школы, они садились в первый подошедший автобус и ехали по маршруту. Наклонившись к девочке, Гройс негромко разговаривал с ней.

– Смотри – видишь, вошла женщина с сумками? Простое задание: скажи, что она станет делать спустя пять минут?

Ирка озадаченно приглядывалась к женщине. Толстая краснолицая тетка, две рыночные сумки оттягивают руки. В одной – картошка и мясо, в другой – перепачканная землей свекла и капуста.

– Борщ варить, – бормотала Ирка. – Михаил Степанович, я не знаю!

– А ты подумай. И не просто подумай, а представь себя на ее месте. Посмотри, как она одета, какая обувь у нее на ногах. Попробуй предположить, куда она едет. Работай, работай, не ленись!

Ирка очень старалась. Поджала губы, подражая женщине. Вообразила, что она пошла на рынок слишком поздно, хотя собиралась с утра, и мясо ей досталось не лучшее, и в очереди поругалась с какой-то старухой из тех, что в каждой бочке затычка. Ноги болят и опухают – вон как уродливо выпирают мизинцы. Машины нет, приходится на общественном транспорте, где ни одна сволочь не уступит места.

Женщина прищурилась, оглядывая сидящих. Повела носом, будто принюхиваясь. Девушка прищурилась вслед за ней, ощутила тяжесть двух сумок в руках, посмотрела на пассажиров, благополучно смотревших в окно, и неожиданно для самой себя сказала:

– Она хочет устроить скандал.

– Вот и я так думаю... – согласился Гройс, одобрительно кивнув. – Очень уж на взводе, еле сдерживается. Если к тому же...

При этих словах автобус резко затормозил, всех пассажиров качнуло вперед, а из сумки краснолицей тетки вывалилась и прокатилась по полу крупная шишковатая картофелина. Ирка проследила за ней взглядом.

– Посмотрите, какие девушки нынче пошли, – вдруг громко сказала тетка в никуда. – В наше-то время таких не воспитывали. Не было такого, чтобы человек стоял, а эдакая сопля сидела как принцесса!

У нее получилось – «принцесса».

Ирка с Михаилом Степановичем переглянулись.

– Садитесь, мадам, садитесь! – учтиво предложил старик, вставая.

– Какая я тебе мадам! – оскорбленно взвизгнула тетка. – Ты смотри, с кем разговариваешь! В революцию вас не перестреляли, так вы теперь наши места занимаете, мадамкаете тут!

Ирка покраснела и встала вслед за Гройсом. Люди вокруг оглядывались, кто-то покрутил пальцем у виска. А тетка, уже плюхнувшись на их место, продолжала выкрикивать что-то про революцию, и в этом словесном потоке оставалось все меньше от связной речи.

На ближайшей остановке Ирка и Михаил Степанович поспешно выскочили из автобуса.

– Видишь? – сказал старик. – Она хотела поскандалить, мы были правы. Ее так распирало, что даже когда ее желание исполнилось, то есть место все-таки уступили, она уже не смогла остановиться. Если бы внутри работал щипач, такая ситуация была бы для него натуральным подарком.

– А кто такой щипач?

– Карманник. Этому я тебя учить не буду, – покачал головой Михаил Степанович, опережая вертевшийся на языке у Ирки вопрос. – Во-первых, сам не умею. Во-вторых, тебе этим заниматься ни к чему.

– Почему?

– А ты согласна шарить по чужим карманам? – с интересом спросил старик.

Ирка подумала и отрицательно покачала головой.

– Ну вот, – с удовлетворением, как ей показалось, ответил Гройс. – Потому и не буду.

Идея с рынком пришла Ирке в голову, когда она отправилась покупать себе кроссовки. Старик (про себя она стала называть его дедом) прямо сказал, что одевать девочку он не будет.

– Харчи, так и быть, мои, но только поначалу. Не для того я тебя учу, чтобы ты на моей шее сидела.

К изумлению Ирки, на следующий день после ее появления он ушел из дома рано утром и вернулся с сумкой, набитой ее собственной одеждой. На осторожные Иркины расспросы отвечать не стал, лишь распорядился коротко: «Разбери шмотье, бардака в доме не устраивай».

Но вещей было немного, и ей пришлось задуматься о пополнении гардероба. Тут-то и встал вопрос о том, откуда брать деньги.

– Дам тебе займы, – согласился дед. – Вернешь через месяц. Не вернешь – отправишься домой.

На рынке экономная Ирка долго присматривалась к спортивным костюмам, решительно прошла мимо прелестных летних сарафанов и наконец остановилась, чтобы выбрать практичные кроссовки. Пара, которая ей приглянулась, стоила тысячу сто рублей.

Расплачиваясь, она отдала полторы тысячи и принялась ждать сдачу.

– Девушка, носите на здоровье, – мило улыбнувшись, сказала ей женщина за прилавком, протянув коробку.

Ирка потопталась немного, затем решила напомнить:

– Вы мне еще четыреста рублей должны.

– Откуда же четыреста? – невозмутимо спросила женщина. – Ты мне тысячу дала, я тебе сто рублей скидки сделала. Носи на здоровье!

Ирка пристально взглянула на ее довольное лицо и увидела всю сцену со стороны: плохо одетая замарашка с коробкой в руках мнетя перед красивой толстой бабой. Та ни

секунды не сомневалась в своей безнаказанности. Доказать, что она дала три купюры по пятьсот рублей, а не две, Ирка не могла.

Ее охватила бессильная злость. Жаловаться деду нельзя, кричать, что ее обжулили, – стыдно, да и глупо. Сообщать каждому входящему покупателю об обмане? Ирка представила это и поняла, что будет выглядеть жалко. Но уйти просто так было совершенно невозможно...

– Верните мне деньги за товар! – вдруг сказала она, ставя коробку на прилавок. – Я его не беру.

– С чего это? – удивилась женщина.

– Обувь мне мала. Вот чек.

– Ты только что примеряла! Все было впору!

– Нет, не было, – настаивала Ирка. – Было тесно! Я думала, разношу, но теперь понимаю, что не получится. Давайте деньги обратно.

– Да ради бога! – Поняв, что переубедить паршивку не удастся, женщина достала тысячу и презрительно бросила ее на коробку.

Ирка молниеносно цапнула деньги, подхватила коробку и бросилась бежать.

– Э-э-э-й! – заорали ей вслед. – Стой, воровка!

Но девочка была уже далеко.

Отдышавшись в первом же укромном дворе, она переобулась, выкинула старые сандалии и принялась размышлять. «Можно ли извлечь из ситуации пользу?» – вот чему учил ее Михаил Степанович. На первый взгляд, польза не извлекалась. «Разве что шестьсот рублей сэкономила в итоге», – подумала Ирка с невеселой усмешкой.

Но что-то крутилось у нее в мыслях, не отпускало. «Первый этап маленького дела всегда начинается с верного выбора». Лицо торговки, обманувшей Ирку, встало у девочки перед глазами...

«Верный выбор...» И вдруг она поняла, что это значит.

Жадность – вот тот крючок, на который можно подцепить человека. Жадность и готовность обмануть другого. В Иркиной голове, словно кусочки мозаики, складывался образ будущей жертвы: алчная, действующая быстро, не задумываясь (дед сказал бы умное слово «импульсивная»), трусливая... И обязательно – женщина.

План был готов.

Однако Ирке потребовалось больше полугода, чтобы воплотить его в жизнь.

– Ты, Ирка, чистый пластилин, – огорошил ее старик вскоре после происшествия с кроссовками.

Девочка стояла перед зеркалом и пыталась подкрасить ресницы остатками подсохшей туши.

– Почему это я пластилин? – обиделась она.

– Потому что лицо у тебя мягкое, пластичное, невыразительное. И нечего голову опускать, не понимаешь ты своего счастья. Сегодня поедem с тобой к одной редкой тетеньке, будем у нее учиться.

– А как же школа?

– А вот это, дорогая моя, и будет твоя школа. Школа имени Зои Семеновны.

Редкая тетенька оказалась привлекательной узколицей женщиной неопределенного возраста, похожей на лису. С Михаилом Степановичем они расцеловались как старые знакомые, на девочку Зоя Семеновна взглянула с любопытством.

– Смену растишь? – полушутливо поинтересовалась она у старика.

– Родственнице помогаю, – в тон ей отозвался Михаил Степанович. – Поработаешь с ней, Зоя?

– Конечно. Как обещала.

Ирку усадили перед ярко освещенным зеркалом, и обучение началось.

– Сначала я покажу, что можно сделать с твоим лицом, – сказала Зоя Семеновна, надевая очки и жестом фокусника отодвигая крышку столешницы, под которой оказались заполненные косметикой ящики. – А потом и начнем, помолясь.

Ирка не верила своим глазам. Сперва ее сделали взрослой, затем состарили, изменили форму губ, последовательно превратили в красавицу, дурнушку и копию всемирно известной актрисы, и наконец, смыли все, не оставив ни грамма косметики. Первый раз в жизни она поняла выражение «лицо как чистый лист».

– А я так смогу? – Девочка жадно рассматривала баночки, кисти, карандаши и разнообразные тюбики, лежащие перед ней. – Вот так, чтобы как Монро?

– Сможешь, если будешь хорошо учиться, – без улыбки ответила Зоя Семеновна. – Но когда ты научишься, тебе не захочется этим пользоваться.

Ирка недоверчиво посмотрела на женщину. С ума та сошла, что ли? Как это – не захочется пользоваться? Да она будет каждое утро рисовать на себе Анджелину Джоли! Моника Белуччи будет рисовать, чтобы в школе все умерли от зависти! Ей давно хотелось, чтобы Костя Лапин из одиннадцатого «В» обратил на нее внимание, и теперь, честное слово, она своего добьется!

Полтора месяца подряд каждый день Ирка после школы ехала к Зое Семеновне. На первых занятиях лепила непослушными пальцами из гипса и – словно в насмешку! – из пластилина, слушала про «золотое сечение» – зачем?! – и занималась вещами, на первый взгляд не имеющими никакого отношения к макияжу и гриму. Но вскоре она уже рисовала себе брови и скулы, с помощью специальных мягких шариков формировала щеки, со смехом наклеивала усики, а на носу лепила бородавку, которую сама же и мастерила из подручных материалов. Зоя Семеновна лишь изредка роняла слова одобрения, но внутренне была очень довольна: девчонка все схватывала на лету и не боялась экспериментировать.

Они примеряли десятки париков, гримировали белые пластиковые головы, жутковатым рядом выстроившиеся у Зои Семеновны на подоконнике, оттачивали на бесцветном Иркином личике пять базовых образов, которые преображали ее. По утрам, собираясь в школу, девочка понемножку применяла новые знания: каждый раз чуть по-другому *выстраивала* лицо, меняя акценты. Мысль превратить себя в Мэрилин Монро больше не приходила ей в голову – она стала нравиться себе такой, какая есть.

С Михаилом Степановичем они занимались теперь только по выходным. Впрочем, это были и не занятия, а долгие прогулки, во время которых Гройс что-то рассказывал, объяснял, а Ирка слушала и запоминала.

Она не замечала, что старик постоянно исподтишка наблюдает за ней. К концу первого месяца он признался сам себе, что девочка удивляет его. Он взял Ирку к себе в минуту душевной слабости, без особой надежды на то, что из этой затеи выйдет что-нибудь путное. Просто пожалел ее, честно говоря. Такая она была несчастная, такая затравленная, когда стояла у подъезда и что-то объясняла ему про свою семью, боясь, что ее прогонят... И вместе с тем так безрассудно храбро бросилась ему на помощь в парке, что Михаил Степанович, хоть и сердился на девчонку за это, все-таки не мог не отдать должное ее смелости.

Она казалась ему совсем маленькой для ее шестнадцати лет. Ровесницы – юные красотки, расцветающие женщины, а эта – хилый заморыш. И характер у нее был совсем девчачий, полудетский. С боязливой привязчивостью недолюбленного ребенка Ирка ходила за ним по пятам, очень старалась угодить и торопилась по-собачьи исполнить любое указание.

И в то же время старик видел, что внутри нее есть стерженек – тот самый, который позволил ей ударить отчима, а затем дать отпор парням в парке. Фактически предоставлен-

ная себе самой с десяти лет, Ирка много, запойно читала и старалась хорошо учиться, хотя матери это было безразлично. Она продолжала читать, и поселившись у Гройса – библиотека у него скопилась весьма неплохая.

За несколько месяцев спокойной жизни у старика Ирка похорошела, распрямилась, как цветок, прибитый к земле градом. Они частенько выбирались в кино: девочка обожала фильмы, тащила Гройса на любую гадость, которая шла в соседнем кинотеатре, и он подчинялся, чувствуя в этом особое удовольствие – находиться рядом с восторженной натурой, бьющей через край. «Ни дать ни взять щенок с хозяином», – усмехался Михаил Степанович, не замечая, что ждет этих походов почти с таким же нетерпением, как и сама Ирка.

Однажды он приехал вместе с ней на «урок» к Зое Семеновне, и девочка радостно показала, чему научилась. Она дурачилась, играла и лишь много позже поняла, что это был первый экзамен, проверка на способность усвоения материала. Старик, кажется, был доволен и, пока Ирка смывала грим, увел Зою на кухню.

Девочка управилась быстро и пошла искать взрослых. Когда она подходила к комнате, из-за приоткрытой двери послышался голос Зои Семеновны:

– Миша, все понимаю, умненькая девочка, богатый материал... Только скажи честно – тебе-то это зачем?

«Богатый материал» встал как вкопанный и затаил дыхание, прислушиваясь. В комнате помолчали, потом послышался звук отодвигаемого стула, и голос старика донесся от окна.

– Старый я уже, Зоя... Не в том смысле, что лет мне много. Хотя много, что уж тут возрастом кокетничать...

– Да и перед кем? – хмыкнула женщина.

– Вот именно. Так что не в годах дело. А в том, что не вписываюсь я в нынешний формат, как принято говорить. Но жить-то на что-то надо, верно? Ты сама говоришь, девочка способная. Сегодня я ей помогу, завтра она мне.

– Уже решил, какой процент возьмешь? – с непонятным Ирке ехидством спросила Зоя. – А если оставят тебя без процента? Молодые – они ведь как щучки!

– Значит, не судьба. Не каркай, там видно будет.

Девочка бесшумно отступила и скрылась в дальней комнате, обдумывая услышанное.

– Ир! Иринка, подожди!

Был конец мая, и девочка бежала из школы к остановке – Зоя Семеновна обещала показать ей что-то новенькое. Ирка торопилась и даже не услышала, что сзади ее громко зовут.

К тому же по имени одноклассники обращались к ней редко, все больше звали Лебедой – от фамилии «Лебедева». Поэтому девочка обернулась только тогда, когда ее уже почти догнали. Перед ней стоял запыхавшийся Костя Лапин и белозубо улыбался:

– Зову тебя, зову! Думал, ты в наушниках.

– Нет... – чуть удивленно ответила Ира. Костя никогда прежде не заговаривал с ней первым, и совсем удивительным было то, что он бежал за ней. – У меня нет наушников. Я не слушаю музыку.

– А зря! Слушай, мы сейчас идем классом в парк, типа отметить конец этой каторги... – Костя махнул рукой в сторону школы. – Хочешь с нами? Ваши тоже идут – Гаврилова, Сенежкина и еще кто-то.

Ирка смотрела на Лапина, раздираемая противоречивыми эмоциями. Она очень хотела, чтобы однажды все случилось именно так – он догнал бы ее и куда-нибудь пригласил. Но Зоя Семеновна, и ее «новенькое», и дед, который обязательно взглянет разочарованно, хоть ничего и не скажет...

– Извини, Костя. – Она с сожалением покачала головой. – У меня сегодня дела. В другой раз, хорошо?

– Ир, другого раза может и не быть, – проронил Лапин. Парень не ожидал отказа и не хотел быть предметом шуток приятелей, видевших, как он рванул за Лебедой.

Ирка бросила на него взгляд, в котором что-то промелькнуло: не сочувствие, не сожаление, но что именно – Костя не понял. Пожала плечами:

– Значит, не судьба.

– Сегодня с тобой позанимаюсь не я, – с порога удивила ее Зоя Семеновна. – Проходи, Веруня ждет.

Веруня сидела на диване – не женщина, а глыба, с мощной шеей и выпирающим вперед животом, – и звучно хохотала, слушая радио. Ирке показалось, что от ее смеха даже потолок сотрясается, ходит волнами, как выбиваемое одеяло. Огромная, избыточная, громкоголосая женщина, на фоне которой и Зоя Семеновна, и сама Ирка казались крошечными.

– А-а, это ты наша девочка! – воскликнула Веруня, выключая радио. – Ну здравствуй, здравствуй. Иди сюда, моя радость! Иди сюда, моя крошка!

Толстуха повелительно похлопала рядом с собой по дивану.

У Ирки возникло ощущение, что она – собачка, которую подзывает любвеобильная хозяйка. Оно только усилилось, когда Веруня заставила ее открыть рот и несколько раз высунуть язык. Ирка скосила глаза на Зою Семеновну, наблюдающую за этим действием издалека, и постаралась, чтобы в них читался вопрос.

Но на него ответила не хозяйка, а гостья.

– Связочки-связочки... – пробормотала она. – Горлышко нужно тренировать.

И вдруг запела – высоким, необычайно сильным голосом:

– А-а-а-а-а-ве Мари-и-и-ия...

Ирка даже вздрогнула.

– Вот этим мы с тобой и займемся, – оборвав пение, сказала Веруня.

– В церкви будем голосить?! – изумилась Ирка.

Обе женщины засмеялись.

– В церкви – точно нет, – пообещала Веруня. – Но голосить – обязательно, обязательно! А также гнусавить, скрипеть, пришептывать, ворковать и прочее, прочее, прочее.

И начались новые упражнения. Ирку заставляли представлять себя огромным мячом, из которого понемногу выходит воздух, заставляли зевать, не открывая рта, чтобы запомнить ощущение «купола» – поднимающегося неба, учили петь «из живота», форсировать звук, говорить фальцетом и басом.

– Рот открыт, челюсть свободна! – командовала Веруня. – Не забудь про опору. Двигай только языком! Ии-и-и-и... Поехали!

Ирку заставляли артикулировать так, что к концу занятия у нее болели щеки и заплетался язык. Заплетался в буквальном смысле, и по вечерам она не могла толком пересказать деду, что они делали с «учительницей». Попугай слушал ее очень внимательно, и девочке казалось, что она читает злорадство в его круглых глазах, словно он хотел сказать: «Ну-ка, попробуй говорить по-человечески, как я!»

– У тебя сегодня нечистоплотный голос, – отчитывала Веруня Ирку на следующее утро. – Надо снимать зажимы. Садись в кресло, я покажу тебе...

Девочка училась расслабляться. К упражнениям на расслабление вскоре прибавились занятия осанкой: Веруня настаивала на том, что только правильное положение тела дает хороший, чистый голос.

– Дыхание идет из диафрагмы, короткий вдох – длинный выдох! – Она сопровождала свою речь плавными взмахами полных рук. – Ты не должна давиться звуком!

Когда с осанкой было покончено, перешли к подражаниям. Наклоняли голову, сгибались пополам, чтобы звук становился ниже, визжали, слушали старческие голоса и детские,

подражали интонациям – это у девочки получалось лучше всего. Веруня нещадно гоняла ученицу, и под конец Ирка едва не сорвала голос.

Три дня она ходила охрипшая и пила гоголь-моголь. Потом еще сутки молчала. Потом несмело заговорила – сперва шепотом, затем громче, еще громче...

– Принимай товар! – на всю квартиру рассмеялась Веруня, сдавая Ирку Зое Семёновне. – Певницей ей не быть, актрисой она тоже не станет, но кое-что мы из нее выжали! Так? – бодро обратилась она к Ирке.

Девочка лишь согласно кивнула, подумав, что словечко «выжали» очень верно отражает то, что сделала с ней за два месяца голосистая Веруня.

Пора было переходить к следующему этапу.

– То, что ты можешь приклеить усы Чарли Чаплина, само по себе ничего тебе не даст, – сказал ей Михаил Степанович. – Ты должна быть естественна в своем образе, кого бы ни изображала. Это сложно, но в нашей с тобой... м-м-м-м... работе без этого никуда.

И вот тут им помогла Иркина любовь к кино. Девочка была артистична от природы, и, кроме того, легко схватывала образы. Она подражала интонациям, копировала походку, манеры, речь. Многие фильмы Ирка смотрела не по одному разу, и тем легче давалась ей «игра в дублера», как она это называла. Дублер не мог заменить актера, но он мог притвориться им ненадолго – достаточно, чтобы обмануть неискушенного зрителя.

Ее первым по-настоящему сложным образом стал «лифтер». Его облик она придумала сама, включая красную кепку. Михаил Степанович научил ее останавливать лифты и дал инструмент.

– Если тебя поймают, – предупредил он, – пойдешь под статью.

– Не поймают, – с великолепным равнодушием ответила Ирка.

Ее действительно не поймали. Но денег от телефонов, сданных перекупщику, они выручили не так много, как она рассчитывала, и очень быстро Ирке пришлось придумать новую аферу – с шубами. Ее она разработала самостоятельно. А с третьей помог Михаил Степанович.

Суть этой аферы была совсем проста. С компьютера старика девушка вышла в Интернет и зарегистрировалась на сайте знакомств, выбрав себе ник «Богиня Страсти и Ласки». Поначалу «и Ласки» не было, но, к Иркиному негодованию, оказалось, что богинями страсти мнят себя многие – среди посетительниц сайта их было не меньше сотни.

Вспомнив прочитанные любовные романы, Ирка пообещала в анкете быть сладострастной кошечкой, покорной деткой, а также всем, чем захочется ее покорителю. Разместила на сайте настоящую фотографию: черный парик а-ля Ума Турман из «Криминального чтива», ярко накрашенные пухлые губы, соблазнительно выставленное плечико. В бюстгальтер Ирка без зазрения совести напихала ваты, изведя на это весь имевшийся в доме запас.

Покорители не замедлили явиться. Они спрашивали ее настоящее имя, предлагали встретиться и весело провести время. Среди написавших были несколько Черных Котов, пара Больших Мальчиков и один Мускулистый Тигр. Ники других потенциальных покорителей заставили Ирку покраснеть.

На этом этапе к ее работе подключился Михаил Степанович.

– Ты пока не в состоянии разобраться, кто тебе пишет, – строго сказал он, когда она пыталась возражать. – Мозгов у тебя хватает, а вот опыта маловато. Нарвешься на психа – и что тогда? Вспомни правило о верном выборе.

Старик внимательно читал всю переписку, в которую Богиня Страсти и Ласки вступала с желающими познакомиться. Непристойные предложения перестали смущать Ирку уже через пару дней обитания на сайте.

– Вот этого исключай, – распорядился Гройс. – Смотри, какие мерзости он тебе пишет. Здоровый мужчина, даже сильно жаждущий секса, так выражаться не станет.

Он разбирал письма с невозмутимостью патологоанатома, и девочка быстро переняла такой же тон и перестала краснеть, когда дед зачитывал очередные физиологические подробности.

– Этот – годится, – одобрял Михаил Степанович нового претендента в покорители. – А это как пить дать женщина развлекается.

– Почему женщина?

– Чувствую по стилю. Не отвечай, не трать времени.

Портрет намеченной жертвы они нарисовали совместно.

– Мужичонка лет сорока – пятидесяти, женатый, зарабатывающий средне, ищущий не столько услуг проститутки, сколько возможности пощекотать себе нервы без отрицательных последствий. Платить за секс он не готов, поэтому ты должна будешь представить дело так, будто тебе самой необходима эта встреча, – предупредил Михаил Степанович. – Вот такая ты неумная дамочка!

– Дед, а так бывает? – задумчиво спросила Ирка.

– Не бывает, – немедленно ответил Михаил Степанович, пропустив «деда» мимо ушей. – Женщины совсем по-другому устроены. Если только женщина не больна, она никогда не будет встречаться с кем попало, чтобы удовлетворить инстинкты.

Он говорил с Ирккой так, как будто она сама – не женщина. Но от этого ей почему-то было проще.

– Подожди... На что же тогда мы рассчитываем?

Михаил Степанович усмехнулся:

– Дело в том, девочка моя, что мужчины хотят верить в обратное. Их самомнение так велико, что они не видят в происходящем ничего удивительного. Ты всего лишь дашь им то, чего они ждут: незнакомку, готовую бесплатно отдаться на сеновале только потому, что вы обменялись десятком писем неприличного содержания.

Ирка присмотрела гостиницу на окраине, все приготовила. Они двадцать раз проговорили с дедом, что нужно делать. И все-таки волнение не отпускало ее.

«Парнем я уже была, – сказала она себе, надевая парик и пробуя, устойчива ли нога в туфле на высоком каблуке. – Попробую быть женщиной».

Маскировка нужна была Ирке не для привлекательности, а для того, чтобы ее не узнали. Простой, даже примитивный план предполагал, что на мужчину потребуется произвести впечатление лишь на начальном этапе, чтобы он увидел именно то, что ожидал.

Осечек не было, все проходило очень быстро. От Ирки даже не требовалось актерской игры. Она встречала мужчину в условленном месте, подходила и представлялась. Низкий хриловатый голос, каблуки, падающие на лицо волосы – у ее спутника не возникало никаких подозрений. Богиня Страсти и Ласки предлагала без промедления пройти в ближайшую гостиницу и снять там номер. Жертва, вдохновленная открывающимися перспективами, охотно соглашалась, и Ирка вела ее к небольшому домику, гордо именовавшему себя отелем.

Цену за номер им выставляли несусветную. Но Богиня еще в начале встречи говорила, что не занимается проституцией, поэтому выбранные ею Мускулистые Тигры и Большие Мальчики раскошеливались, пусть и скрипя зубами. В конце концов, им не придется платить за секс! Ирка часто дышала, лънула к спутнику, изображая вожделение, и тот уже предвкушал, что его ждет... И вдруг перед самым номером она останавливалась, огорченно говорила, что плохо себя чувствует, и быстро уходила. Остолбеневший герой-любовник, выскочив за ней на улицу, никого не обнаруживал.

Кляня идиотку на чем свет стоит, он возвращался к портье, но тот разводил руками – извините, номер оплачен, ничем не могу помочь. Нет, мы не возвращаем деньги. Гость может использовать номер в течение целых пяти часов по своему усмотрению.

«Гость», бранясь, уходил. Полученные деньги Ирка делила с портье: ей – шестьдесят процентов, ему – сорок. Вся операция занимала полчаса.

Неделю Ирка побыла Богиней, затем сменила ник и провела отбор по новой. Дельце она свернула, когда обнаглевший портье потребовал шестьдесят процентов вместо сорока, упирая на то, что вся брань обманутых клиентов достается ему, а значит, он морально страдает.

– Ты еще молока себе попроси за вредность, – фыркнула Ирка, после чего исчезла и больше не появлялась.

Глава 4

За окнами свирепствовал октябрьский ветер, дождь колошматил по стеклам и крыше, выбивал ожесточенную дробь по крыльцу. Дверь распахнулась, ветер взвыл с такой яростью, будто упустил добычу, и в комнату ввалился Андрей Бондарев с пакетами, набитыми продуктами.

– Видали?! – выдохнул он, стаскивая дождевик, с которого текло на пол. – Едва не сдуло, пока шел! Не могли нормальный подземный гараж построить, идиоты?!

Ругательство Бондарева относилось к хозяевам коттеджа в ближнем Подмосковье, где они сидели уже неделю. Полупустой дом с гаражом в саду нашел Марк, он же снял его через третьи руки, рассчитывая сделать два крупных «пробоя» – и исчезнуть. Наметили казино, распределили роли, «свой» человек подсказал, где за столами будут стоять новички.

Однако весь план полетел к черту: за два дня до первого намеченного дела Паулс узнал, что крупье полностью сменили, поставив вместо желторотых студентов опытных дилеров. А во втором казино, куда Васька Храпов сунулся было с разведкой местности, установили новые камеры. Скрипнув зубами, Марк решил отказаться от первоначального плана.

– Еще две недели все будут стоять на ушах, проверять аппаратуру, – сказал он. – Нет, сейчас туда лезть никак нельзя. Надо придумать что-то новое.

Поэтому вся группа, кроме Андрея, безвылазно сидела в доме, ожидая, пока Марк придумает что-то новое. Юрка предложил уехать и все бросить, но Паулс так рыкнул на него, что младший Храпов тут же притих, притаился в уголке – и больше *не отвечивал*. Арнольд без устали занимался на втором этаже с самодельными гирями и штангами, поглощая невероятное количество еды и каких-то специальных добавок, Юрка с Васькой резались в карты, а Андрей добровольно взял на себя обязанности повара и закупал на рынках продукты, а потом стряпал что-то на кухне, негромко напевая себе под нос.

Причина яростной вспышки Паулса была ему хорошо известна. Как, впрочем, и остальным. Марк не раз говорил о том, что хочет иметь легальный бизнес, и наконец-то ему подвернулся подходящий проект: небольшой отель на черноморском побережье, который владелец собирался продавать.

– Стану, дети мои, уважаемым человеком... – мечтательно говорил Паулс, и на его худом вытянутом лице, по которому, словно следы от потоков слез, тоненько струились шрамы, появлялось мечтательное выражение. – Горничные у меня будут вышколенные, номера – чистейшие. Лучший, на пятом этаже, с видом на море – мой. А в номере – джакузи!

– Зачем тебе джакузи, если рядом море? – усмехнулся Арнольд, услышав это.

– Не переносу морскую воду, – поморщился Паулс. – Это для кефирников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.